

20208

ГОРОВЦЕВЪ.

ВОЙНА
И
ПРАВ О.

~~3/1397~~

Сообщение, прочитанное въ Обществѣ Ревнителѣй
Военныхъ Знаній 6 Марта 1902 г.

Издание второе, съ приложеніемъ Гаагской Конвенціи
1907 года о законахъ и обычаяхъ войны и Лондонской
Декларации 1909 года о правѣ морской войны.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. О. Киршбаума, Дворц. пл., д. М-ва Финансовъ.

1910.

[Faint, illegible handwriting]

[Faint, illegible handwriting]

[Faint, illegible handwriting]

[Faint, illegible handwriting]

20.208

ГОРОВЦЕВЪ.

ВОЙНА

И

~~34394~~

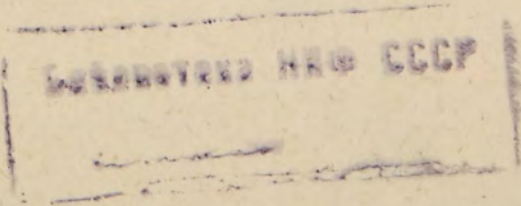
ПРАВ О.

Сообщеніе, прочитанное въ Обществѣ Ревнителѣй
Военныхъ Знаній 6 Марта 1902 г.

Изданіе второе, съ приложеніемъ Гаагской Конвенціи
1907 года о законахъ и обычаяхъ войны и Лондонской
Декларации 1909 года о правѣ морской войны.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. О. Киршваума, Дворц. пл., д. М-ва Финансовъ,
1910.

12

Печ. на основ. прим. къ § 2 Уст. Общ. ревн. воен. знаній.

82834

Списокъ работъ о войнѣ, о правѣ войны
и объ его кодификаціи, могущихъ служить
пособіями для изученія этихъ вопросовъ.

А) О войнѣ.

1) Теорія.

а) *Сочиненія съ характеромъ рѣзко-отрица-
тельнаго отношенія къ войнѣ.*

Л. Н. Толстой. Война и разумъ. Берлинъ.
1896.

J. Novicow. La guerre et ses prétendus
bienfaits. Paris. 1897.

Блюхъ. Будущая война. СПБ. 1898.

Molinari. Grandeur et décadence de la
guerre. Paris. 1898.

Jean de Triac. Guerre et Christianisme.
Paris. 1896.

Girardin. Désarmer ou déchoir.

W. Jay. War and peace. New-York. 1842.

Dupasquier. Le crime de la guerre dénoncé à l'humanité. Paris. 1873.

Bouvet. La guerre et la civilisation. Paris. 1855.

Devaux. Etudes politiques sur l'histoire et sur l'influence de l'état de guerre et de l'état de paix. Paris. 1875.

б) *Сочиненія съ характеромъ положительнаго
отношенія къ войнѣ.*

Proudhon. La guerre et la paix. Bruxelles. 1861.

Lasson. Culturideal und der Krieg. 1868.

Clausewitz. Vom Kriege.

Général Dragomiroff. La guerre est un mal inévitable. Paris.

Reichenau. Einfluss der Cultur auf Krieg und Kriegsrüstung. Berlin. 1897.

Boguslawski. Der Krieg in seiner wahren Bedeutung für Stat und Volk. Berlin. 1892.

Гейсманъ. Война. Спб. 1896.

Mabille. La guerre, ses lois, son influence civilisatrice, sa perpétuité. Paris. 1884.

Général Jung. La guerre et la société. Paris.
1889.

в) *Сочиненія съ характеромъ умѣреннаго
отношенія къ войнѣ.*

Wiskemann. Der Krieg. Leiden. 1870.

Мартенсъ. О правѣ частной собственности
во время войны. Спб. 1869.

Max Jähns. Uber Krieg, Frieden und Cultur.
Berlin. 1893.

Villiaumé. L'ésprit de la guerre.

Salières. La guerre. Paris. 1879.

2) Исторія.

Letourneau. La guerre dans les diverses
races humaines. Paris. 1895.

Léonce de Casenove. La guerre et l'humani-
té au XIX siècle. Paris. 1869.

Б) О правѣ войны.

1) Теорія.

Мартенсъ. О необходимости опредѣленія
международныхъ правилъ войны. Зап. Имп.
Русск. Техн. О-ва. 1881. Кн. III.

Bulmerincq. Die Notwendigkeit eines allgemeinen verbindlichen Kriegsrechts. Holtzendorfs'f Jahrbuch, II, 1.

Камаровскій. Взглядъ на различныя попытки смягчить ужасы войны. Юрид. Вѣстн. 1878. Мартъ и Май.

Lueder. Recht und Grenze der Humanität im Kriege. Erlangen. 1880.

Rettich. Zur Theorie und Geschichte der Rechts zum Kriege. Stuttgart. 1888.

Colonel Graham. Military ends and moral means. London. 1864.

Rüstow. Kriegspolitik und Kriegsgebrauch. Zürich. 1876.

Pillet. Les lois actuelles de la guerre. Paris. 1898.

Pillet. Le droit de la guerre. Paris. 1892.

J. Guelle. Précis des lois de la guerre sur terre. Paris. 1884.

Lentner. Das Recht im Kriege. 1880.

Resch. Das moderne Kriegsrecht der civilisierten Statenwelt. 1885.

Пиуновскій. Законы и правила войны. Военный Сборникъ. 1877. Июнь.

Les lois de la guerre sur terre. Manuel publié par l'Institut de droit international.

Morin. Les lois relatives à la guerre. Paris. 1872.

Risley. The law of war. London. 1897.

Accolas. Le droit de la guerre. Paris. 1888.

Mariotti. Du droit des gens en temps de guerre. Paris. 1883.

Andrès. Du droit des gens en temps de guerre. Paris. 1895.

A. Zorn. Das Kriegrecht zu Lande in seiner neuesten Gestaltung. 1906.

2) Исторія.

а) *Общая.*

Müller-Jochmus. Geschichte des Völkerrechts im Altertum. Leipzig. 1848.

Revon. Le droit de la guerre sous la république romaine. Paris. 1891.

Ernest Nys. Le droit de la guerre et les précurseurs de Grotius. Bruxelles. 1882.

М. Таубе. Исторія зарожденія междуна-роднаго права. Спб. 1894. Харьковъ. 1899.

Montague Bernard. The growth of laws and usages of war. Oxford's Essays. 1856.

б) *Отдѣльныхъ войнъ.*

Мартенсъ. Восточная война и Брюссельская конференція. Спб. 1879.

Rolin-Jaequemyns. La guerre actuelle (1870) et le droit international. Bruxelles. 1878.

Bluntschli. Das moderne Völkerrecht in dem französisch-deutschen Kriege von 1870. Heidelberg. 1871.

Nagao Ariga. La guerre sino-japonaise. Paris. 1896.

Sakuyé Takahashi. Cases on international law during the Chino-Japanese war. Cambridge. 1899.

Nicolas Politis. La guerre greco-turque an point de vue du droit international. Paris. 1898.

Arthur Desjardins. La guerre de l'Afrique australe et le droit des gens. Revue de deux Mondes. 1 Mars 1900.

Longuet. Le droit actuel de la guerre terrestre. Son application dans les conflits les plus récents. 1900.

Nagaoka. La guerre russo-japonaise et le droit international. 1907.

* * * Осада П.-Артура съ точки зрѣнія права войны. Спб. 1907.

В) О кодификаціи права войны.

Мартенсъ. Брюссельская декларация о законахъ и обычаяхъ войны. Военный Сборникъ. 1875. Кн. III.

Мартенсъ. Брюссельская международная конференція 1874 года. Сборникъ Госуд. Знаній. 1878. Т. I.

Lueder. Der neueste Codificationsversuch auf dem Gebiete des Völkerrechts. Erlangen. 1874.

Holland. A lecture on the Brussels Conference. Oxford. 1876.

Lucas. La conférence internationale de Bruxelles. Paris. 1874.

Monteil. Le congrés de Bruxelles. Paris. 1876.

Mérignhac. La conférence internationale de la Haye. Paris. 1900.

Meurer. Die Haager Friedenskonferenz. München. 1905. 1907.

Акты конференцій Брюссельской и Гаагской.

І.

„Je respecte le passé, je rends justice au présent et je salue l'avenir“.

Въ этихъ прекрасныхъ словахъ д'Аламбера кроется, быть можетъ, разгадка также и того исключительнаго явленія міровой жизни, которое въ одно и тоже время вызываетъ проклятія и восторги, служитъ причиною величайшихъ бѣдствій и крупнѣйшихъ перемѣнъ въ жизни чело-вѣчества и возбуждаетъ въ людяхъ самыя противоположныя страсти и чувствованія, начиная отъ столь высокихъ, какъ любовь къ родинѣ, патріотизмъ, самоотверженіе, и кончая животнымъ наслажденіемъ отъ одного вида чело-вѣческой крови,—которое однимъ словомъ называется войною. Едва ли еще въ какомъ либо явленіи такъ же своеобразно переплетаются самыя возвышенныя побужденія чело-вѣческой души съ самыми низменными, такъ что войну, по справедливости, можно считать наиболѣе полнымъ воплощеніемъ идеи чело-вѣка, со всѣми его животными страстями и порывами и со всѣми его божественными чувст-

вами и стремленіями. И если только человѣку дѣйствительно опредѣлено въ общемъ мірозданіи играть роль посредствующаго звена между животнымъ и божествомъ, то въ такомъ случаѣ и феноменъ войны, сосуществующій съ нимъ съ самаго начала его жизни, служить самымъ нагляднымъ выраженіемъ основной идеи человѣка, и уже по одному этому никто, кто только считается съ исторіею человѣчества и съ законами ея развитія, не можетъ послать войнѣ категорическое беспощадное осужденіе, независимо отъ исторической эпохи, ни отъ связи историческихъ обстоятельствъ, ее рождающихъ.

Едва ли поэтому дѣйствительно хоть еще къ одному какому-нибудь явленію человѣческой жизни въ такой степени примѣнимы приведенныя только что слова, полныя возвышеннаго благородства и разумнаго трезваго пониманія жизни: «Я воздаю должную дань уваженія прошлому и справедливости—настоящему; и я съ упованіемъ взираю на будущее».

Если мы будемъ судить войну съ этой точки зрѣнія, то мы неизбежно должны будемъ признать громадное положительное ея значеніе во всей прошлой исторіи человѣчества. Именно потому, что въ первыя времена своего существованія человѣкъ мало чѣмъ отличался отъ животнаго, не было и не могло быть иного средства побудить

его къ признанію того или другого порядка, кромѣ силы. И силою этой пользовались всѣ выдававшіеся надъ общимъ уровнемъ толпы люди для того, чтобы заставить ее уважать тѣ начала, положительное значеніе которыхъ сознавали тогда лишь они одни, а толпа начинала сознавать только послѣ того, какъ она убѣждалась въ полезности и важности ихъ, уже доказанныхъ ихъ существованіемъ при поддержкѣ и помощи силы. Достаточно вспомнить, что родоначальникомъ всего строя государственной жизни древняго Рима, послужившей въ свою очередь образцомъ для строенія жизни всего послѣдующаго человѣчества, былъ просто военный отрядъ, въ которомъ каждый воинъ былъ гражданиномъ, а каждый гражданинъ—воиномъ,— и намъ сразу станетъ ясно громадное историческое значеніе этой организаціи, создавшей необходимость подчиненія высшей государственной власти и выработавшей извѣстный общественный строй, на почвѣ котораго должно было продолжаться дальнѣйшее культурное развитіе человѣчества. И, конечно, не простою случайностью объясняется то поразительное на первый взглядъ явленіе, что именно въ Римѣ — этомъ образцовомъ военномъ государствѣ, гдѣ военная дисциплина войска доведена была до высшей своей точки, — такимъ пышнымъ расцвѣтомъ зацвѣло впервые также и право—это естественное выраженіе государствен-

ной дисциплины, ограниченія свободы каждаго въ пользу общей свободы всѣхъ. Великіе полководцы Рима, поддерживая желѣзную дисциплину въ своихъ легіонахъ, гдѣ-нибудь въ отдаленныхъ мѣстахъ Германіи или Галліи, готовили изъ нихъ вѣрныхъ послѣдователей идеи государственной дисциплины въ римскихъ судахъ и на форумѣ и приучали ихъ къ жертвованію личною свободою во имя общаго блага, идея котораго ложилась въ послѣдствіи также и въ основаніе рѣчей римскихъ юристовъ и правовѣдовъ и ихъ ученыхъ трактатовъ о правѣ. Нельзя, въ виду всего этого, ни въ какомъ случаѣ отрицать, что именно войнѣ и военной организаціи, военной дисциплинѣ въ значительной степени обязанъ своимъ происхожденіемъ весь строй жизни древняго міра, который можно превозносить и можно презирать, но относительно котораго ни въ какомъ случаѣ нельзя отрицать, что онъ былъ историческою необходимостью—логическимъ послѣдствіемъ первобытнаго состоянія чловѣка въ ту отдаленную эпоху его жизни, когда его, какъ ребенка, надо было силою заставлять дѣлать то, что было полезно для него же самого.

Только со времени появленія христіанства начинается поворотъ къ сознательной жизни чловѣчества, когда оно сначала даже какъ бы уносится въ порывѣ отвлеченныхъ духовныхъ идей

и не только не нуждается въ силѣ для ихъ доказательства, но и безусловно и категорически осуждаетъ всякую силу. Лучшимъ выраженіемъ господствовавшаго въ эту эпоху отвлеченно-христіанскаго воззрѣнія на войну являются извѣстныя слова Оригена, который въ этомъ отношеніи выражалъ мысль, нашедшую себѣ признаніе и у другихъ авторитетовъ этого времени — Климента Александрійскаго, Тертулліана, Лактанція и другихъ: „Мы не дѣйствуемъ мечомъ и не учимся воевать, такъ какъ, благодаря Спасителю, мы стали дѣтьми мира“.

Дальнѣйшая исторія человѣчества наглядно доказала, однако, что оно еще далеко не было подготовлено къ воспріятію этихъ возвышенныхъ началъ въ той степени, въ какой этому учила его христіанская религія. Если несомнѣнно, что въ первое время своего существованія самая идея христіанства была антитезою понятія войны, то по мѣрѣ того, какъ жизнь и христіанство шли навстрѣчу другъ другу и, въ силу взаимнаго тренія, дѣлали другъ другу взаимныя уступки, — жизнь вырабатывала также синтезъ между идеями войны и христіанства. Съ той минуты, когда христіанство стало государственною религіею, оно неизбѣжно должно было освятить своимъ высокимъ авторитетомъ и самую идею государственности, а отсюда уже слѣдующимъ неизбѣжнымъ логическимъ ша-

гомъ должно было быть оправданіе войны,—и та самая Церковь, во имя которой сыны ея еще такъ недавно отказывались отъ участія въ войнѣ и пролитія крови ближняго, теперь уже, сейчасъ-же послѣ изданія Миланскаго Эдикта 313 года, на соборѣ въ Арлѣ (въ 314 году) провозглашаетъ анаѹему тѣмъ, кто откажется отъ военной службы для защиты отечества.

И все-таки христіанство оказало громадное положительное вліяніе на общее развитіе взглядовъ и понятій о войнѣ, которое выразилось прежде всего именно въ томъ, что, хотя и признавши въ угоду идеѣ государственности допустимость войны въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, оно ограничило эти случаи самымъ незначительнымъ числомъ, сведя ихъ главнымъ образомъ и даже почти исключительно къ идеѣ защиты отечества и создавши такимъ образомъ тотъ единственно возможный компромиссъ между требованіями религіи и нравственности, съ одной стороны, и практическими условіями жизни, съ другой, которымъ и характеризуется истинное значеніе войны также и въ наше время.

II.

И дѣйствительно, еслибы мы начали производить оцѣнку этого значенія исключительно съ точки зрѣнія отвлеченной религіи и нравствен-

ности, то намъ пришлось бы съ первыхъ же шаговъ убѣдиться въ томъ, что едва ли есть у войны врагъ болѣе опасный и болѣе серьезный, чѣмъ нравственность и религія.

82834
Съ точки зрѣнія абсолютной отвлеченной нравственности война безусловно представляется грѣхомъ и преступленіемъ, совершенно точно такъ же, какъ и всякое отдѣльное убійство. «Вѣдь наказываютъ же, говорилъ еще Сенека, за убійство отдѣльныхъ лицъ отдѣльными лицами; что же сказать въ такомъ случаѣ о войнахъ—о тѣхъ убійствахъ, которыя мы облакаемъ въ пурпурныя одежды славы только потому, что ими уничтожаются цѣлые народы. Не стыдно ли, что люди, природа которыхъ создана мягкою, проливаютъ кровь себѣ подобныхъ, тогда какъ и животныя этого не дѣлаютъ, хотя они и не одарены разумомъ». И дѣйствительно, въ данномъ случаѣ даже сравненіе съ животными оказывается не къ выгодѣ человѣка. Извѣстно вѣдь, что еще знаменитый сатирикъ Ювеналь впервые высказалъ не разъ повторяющуюся послѣ него мысль о томъ, что война, какъ явленіе междучеловѣческое, ставитъ человѣка даже ниже животнаго, потому что и животныя не воюютъ съ животными одной съ ними породы, и одинъ только человѣкъ уничтожаетъ подобнаго себѣ.

Неудивительно послѣ этого, почему исторія человѣчества насчитываетъ длинный рядъ именъ выдающихся его представителей, всѣ свои силы посвящавшихъ борьбѣ съ войною. Даже еще и въ древнемъ мірѣ, когда войнѣ принадлежало особое, исключительное значеніе, начинаютъ раздаваться голоса, ее осуждающіе, и имена такихъ выдающихся людей древности, какъ Гезіодъ, Геродотъ, Плутархъ, Платонъ, Полибій, Цицеронъ, Сенека и др., навсегда останутся неразрывно связанными съ представленіемъ о той энергичной войнѣ противъ войны, которая постепенно уменьшала ея значеніе и подготавливала праву мѣсто, до этого принадлежавшее исключительно силѣ. Новое время прибавило къ этимъ именамъ еще цѣлый рядъ именъ не менѣе знаменитыхъ, какъ напр., Эразма Роттердамскаго, Монтэня, Фенелона; длинный рядъ именъ энциклопедистовъ—Вольтера, Руссо, Монтескье, Мабли и др.,—Гете, Жанъ Поль Рихтера, Ламартина, Гюго, Жюль Симона, Ренана, Стюарта Милля, Льва Толстого и др. Всѣ они категорически и безусловно осуждаютъ войну, раздѣляя то представленіе о ней, которое нашло себѣ наиболѣе рѣзкое выраженіе въ словахъ нѣкоторыхъ крайнихъ ихъ представителей, вродѣ извѣстнаго поборника мира Буррита, произнесшаго надъ войною слѣдующій приговоръ: «война есть не что иное, какъ собраніе всѣхъ возможныхъ

человѣческихъ преступленій: грабежъ, кража, воровство, убійство, обманъ, нарушеніе всѣхъ законовъ божескихъ и человѣческихъ—вотъ преступленія войны, или, скорѣе, наоборотъ, вотъ ея добродѣтели, такъ какъ именно эти дѣянія считаются основными добродѣтелями ея нравственного кодекса».

Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ осуждаетъ войну и извѣстный публицистъ Жирарденъ: «война—это убійство; война—это кража. Это—убійство и кража, совершаемая народами по наущенію и приказанію правительствъ. Это убійство и кража, при совершеніи которыхъ отъ эшафота спасаетъ триумфальная арка». Не менѣе суровъ приговоръ надъ войною извѣстнаго философа и теолога Ренана: «война есть не что иное, какъ сплетеніе всѣхъ грѣховъ, противоестественное состояніе, въ которомъ всякій считаетъ актомъ высшаго благородства такой поступокъ, который онъ въ другомъ состояніи назвалъ бы не иначе, какъ грѣхомъ и преступленіемъ». И наконецъ выдающійся мыслитель и философъ нашего времени Джонъ Стюартъ Милль идетъ еще дальше: онъ отвергаетъ даже мысль о необходимости доказывать безнравственность войны, такъ какъ самая возможность усумниться въ этомъ является, по его мнѣнію, оскорбленіемъ достоинства человѣка.

Какъ-то даже странно звучать послѣ такихъ

громкихъ и сильныхъ словъ осужденія войны мнѣнія совершенно противоположныя, которыя не только вполнѣ признають ея неизбѣжность, но даже превозносятъ и везвеличаютъ ее, какъ явленіе высоко-нравственное, которое хотя и производитъ иногда, подробно страшной бурѣ, самое разрушительное дѣйствіе, но за то, говоря словами одного изъ сторонниковъ этого взгляда проф. Арндта, «необходимо, какъ рычагъ противодѣйствія инертности; осуществленіе идеи вѣчнаго мира на землѣ, представляющей, повидимому, такую высокочеловѣколюбивою, было бы въ дѣйствительности величайшимъ несчастіемъ для всего рода человѣческаго; оно оказало бы болѣе разрушительное дѣйствіе вслѣдствіе внутренняго разложенія, чѣмъ то, какое производитъ война посредствомъ разрушенія. Война для атмосферы нравственной цѣльности міра то же самое, что гроза и непогоды для воздуха».

На сторонѣ подобнаго взгляда находятся не одни только представители военнаго міра, какъ напр., генералы Мольтке и Драгомировъ, но и нѣкоторые выдающіеся ученые философы, среди которыхъ можно назвать, напр., Бэкона, Гоббса, Вильгельма ф.-Гумбольдта, Гегеля, Арндта, Прудона, Трейчке и др. и наконецъ даже современнаго намъ мрачнаго философа—пессимиста Ницше,

по мнѣнію котораго «война и мужество сотворили больше великаго, чѣмъ любовь къ ближнему».

У нѣкоторыхъ изъ подобныхъ сторонниковъ войны можно наблюдать даже отдѣльныя попытки поставить ее, какъ явленіе высоко-нравственное, на почву религіозную. Среди этихъ попытокъ заслуживаютъ особаго вниманія теоріи Прудона и въ особенности извѣстнаго апостола войны графа де-Местра, который рѣшался проповѣдывать, что «назначеніе человѣка заключается въ уничтоженіи себѣ подобнаго. Война является лишь исполненіемъ высшей воли. Она божественна по самому своему существу, такъ какъ она—міровой законъ. Война божественна, благодаря тому необъяснимому таинственному ореолу славы, который ее окружаетъ, и тому непостижимому обаянію, которое влечетъ насъ къ ней... Война божественна и по своимъ послѣдствіямъ, сужденіе о которыхъ, разумѣется, недоступно человѣку». Самый прогрессъ человѣчества есть результатъ дѣйствія войны, такъ какъ «цивилизациа—это такой плодъ, для взращенія котораго необходимо обильное поливаніе его человѣческою кровью». Не менѣе крайнія мысли высказываетъ и Прудонъ, по мнѣнію котораго «война—божественное явленіе, справедливое, добродѣтельное, нравственное, святое, особый видъ религіознаго откровенія».

Не считаясь даже совершенно съ подобными крайними взглядами, какіе высказываютъ Прудонъ и въ особенности де-Местръ, нельзя во всякомъ случаѣ оставлять безъ вниманія мнѣнія тѣхъ выдающихся представителей общественной мысли, имена которыхъ мы привели выше и которые признаютъ за войною высокое положительное значеніе. Объясняется это конечно тѣмъ, что война, являясь крайнимъ выраженіемъ розни и вражды между цѣлыми народами, въ то же время служитъ высшимъ выраженіемъ единства между отдѣльными лицами—членами этихъ народовъ и государствъ. Громадное положительное значеніе войны даже и съ точки зрѣнія нравственности заключается именно въ томъ, что она ведется не отдѣльными людьми, а цѣлыми государствами и народами, борющимися не за эгоистическіе интересы отдѣльныхъ личностей, а за ихъ общее благо и общіе интересы. Съ этой именно точки зрѣнія нельзя дѣйствительно не согласиться со справедливостью взгляда Трейчке, доказывающаго, что истинное величіе войны проявляется въ тѣхъ ея чертахъ, которыя вызываютъ противъ себя наибольшее возмущеніе, какъ напр., въ особенности убійство на войнѣ совершенно незнакомаго человѣка, не сдѣлавшаго никакого вреда тому, кто его убиваетъ. Или, вѣрнѣе говоря, истинное величіе войны и заключается въ томъ, что въ ней нѣтъ и

не можетъ быть мѣста личнымъ интересамъ, и, наоборотъ даже, она отъ всякаго почти принимающаго въ ней участіе требуетъ жертвъ личными своими интересами на пользу блага общаго цѣлаго—государства и народа. Въ этомъ безусловно проявляется высокое положительное значеніе войны, служащей, быть можетъ, высшимъ выраженіемъ эгоизма цѣлаго народа, но за то во всякомъ случаѣ исключающей самую идею эгоизма отдѣльныхъ личностей, сливающихся въ общемъ порывѣ самоотверженія и самоотреченія на пользу общаго блага и интереса отечества—государства.

Какъ крайнее средство охраненія этой идеи государственности, война потому и должна представляться явленіемъ положительнымъ, что самая идея эта является однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ достояній современнаго человѣчества, такъ какъ именно она выполнила громадную по значенію и трудности своей задачу соединенія въ одно политическое цѣлое отдѣльныхъ личностей, отдававшихъ жизнь безпощадной борьбѣ между собою.

Въ самомъ дѣлѣ, три руководящія идеи, въ разное время различно сплетающіяся между собою, являются основными идеями всей исторіи человѣчества: индивидуализмъ, патріотизмъ и космополитизмъ. Первое, по времени, мѣсто принадлежало идеѣ индивидуализма, при которой каж-

дый вполнѣ сохранялъ за собою свою самостоятельность, не зналъ надъ собою никакой власти и считалъ всякаго другого человѣка своимъ опаснымъ врагомъ, какъ возможнаго нарушителя этой своей самостоятельности. По мѣрѣ развитія близости и общенія между людьми этотъ крайній индивидуализмъ все болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто идеѣ государственности, нашедшей себѣ, какъ извѣстно, наиболѣе рѣзкое выраженіе въ Римѣ, гдѣ идея личности вполнѣ ступевалась даже передъ идеею гражданина, гдѣ не было людей, а были только граждане.

Такая крайность, естественно, должна была вызвать противъ себя реакцію при новомъ поворотѣ историческаго колеса, и дѣйствительно новыя идеи, принесенныя средними вѣками, — отчасти космополитизма, бывшаго однимъ изъ непосредственныхъ проявленій идеи христіанства, отчасти индивидуализма, явившагося характерною чертою германскаго міровоззрѣнія — привели мало по малу къ образованію новой идеи государственности, при которой уже не только не исключается идея индивидуализма, но съ которою она гармонически соединяется. И эта, несомнѣнно, господствующая теперь, выработанная цѣлыми вѣками человѣческой исторіи идея государственности, вѣроятно, не является конечною точкою всего человѣческаго прогресса. Определить эту точку нѣтъ, разумѣется, возмож-

ности, но можно, конечно, вѣрить и надѣяться, что когда-нибудь, въ далекомъ будущемъ полное признаніе найдетъ себѣ идея космополитизма, для которой и самая идея государственности, быть можетъ, является переходною ступенью, собирая въ одно цѣлое отдѣльныя личности для того, чтобы въ послѣдствіи въ свою очередь уступить мѣсто идеѣ космополитизма, которая соберетъ эти политическія тѣла въ одно общечеловѣческое цѣлое.

Можно желать наступленія такого времени, можно въ него вѣрить и все-таки нельзя отрицать, что мы отъ него отдѣлены еще цѣлыми тысячами лѣтними, и что въ наше время руководящею идеею для каждаго изъ насъ должна являться идея государственности, для защиты которой мы не должны жалѣть никакихъ силъ и средствъ.

Съ этой точки зрѣнія должно быть, кажется, понятнымъ, почему нельзя становиться въ ряды крайнихъ безусловныхъ противниковъ войны, совершенно не признающихъ за нею права на существованіе въ современную намъ эпоху. Такая крайняя точка зрѣнія является лишь слѣдствіемъ смѣшенія идеальныхъ задачъ космополитизма съ реальными требованіями дѣйствительной жизни, слѣдствіемъ тѣмъ болѣе печальнымъ, что жизнь никогда не прощаетъ того, что идетъ въ разрѣзъ съ ея требованіями, и жестоко караетъ за всякое отступленіе отъ нихъ. Правда, на это можно воз-

разить, что если не осуждать войну безусловно, то это значитъ не давать никакого хода идеямъ космополитизма, которымъ, какъ сказано выше, принадлежитъ будущее. Но если дѣйствительно будущее принадлежитъ идеѣ космополитизма, то во всякомъ случаѣ настоящее принадлежитъ идеѣ государственности, и поэтому осуждать безусловно войну, даже какъ крайнее средство защиты этой идеи, значило бы разрушать самую идею, т. е. разрушать то самое зданіе, которое со временемъ должно послужить матеріаломъ для сооруженія новаго зданія идеи космополитизма. Пусть даже на это возражаютъ, что его все равно надо разрушить, такъ какъ только камни его послужатъ матеріаломъ для новаго зданія, а само оно не нужно; на это можно отвѣтить, что ломать одно, пока мы еще не увѣрены въ нашей способности построить лучшее, было бы безразсудствомъ, и человѣчество едва ли выиграло бы, а не, наоборотъ даже, очень много потеряло, еслибы на мѣстѣ, несомнѣнно, прочно существующей теперь идеи государственности остались бы одни ея обломки и, такъ какъ идея космополитизма оказалось бы современному человѣчеству не по плечу, то оно обратилось бы къ прежнему своему состоянію индивидуализма.

Война неизбежна и даже хороша не потому, что она хороша сама по себѣ, а потому, что люди

не достаточно хороши для того, чтобы они могли отъ нея отказаться.

Современное человѣчество доросло только до правильнаго пониманія идеи государственности, и именно эта идея по всей справедливости представляется ему наиболѣе дорогою и цѣнною, какъ высшая доступная ему въ настоящее время форма человѣческаго общенія; и достаточно поэтому малѣйшаго посягательства на нее, чтобы каждый считалъ своимъ правомъ и долгомъ выступить на ея защиту. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить примѣръ одного изъ выдающихся умовъ современности — Виктора Гюго, — которому мы отвели выше въ ряду противниковъ войны мѣсто, имъ вполне заслуженное, и который тѣмъ не менѣе во время войны 1870 года своими пламенными рѣчами и воззваніями возбуждалъ всю Францію, призывая ее встать, какъ одинъ человѣкъ, на защиту родины. Забыты были тѣ великія истины о братствѣ и любви между народами, которыя проповѣдывались этимъ апостоломъ мира въ его знаменитомъ «Манифестѣ мира къ народамъ Европы», изданномъ въ 1867 году, и уже черезъ три года послѣ этого авторъ его употреблялъ всю силу своего таланта и красно-рѣчія для того, чтобы разжечь самую сильную неотвратимую ненависть между двумя народами — высшими носителями европейской цивилизаціи.

Еще лучше о сравнительномъ значеніи для нашего времени этихъ двухъ различныхъ идей— космополитизма и патріотизма—можно судить по примѣру такого выдающагося историческаго явленія, какъ великая французская революція, которая, явившись въ теоріи представительницею идей братства и равенства не только между отдѣльными людьми, но и между цѣлыми народами, окрасила тѣмъ не менѣ всю исторію начала прошлаго столѣтія въ пурпурный цвѣтъ крови. Опредѣляя въ извѣстномъ „Dictionnaire de la Constitution“ понятіе патріотизма какъ „не ненависть противъ другихъ людей, только потому, что они родились не въ одной странѣ съ нами, а какъ любовь ко всему человѣчеству“, она изливала эту „любовь къ человѣчеству“ въ видѣ такихъ обильныхъ потоковъ крови, которые поневолѣ приводятъ къ мысли, что истинно поступательное движеніе прогресса достигается не столько провозглашеніемъ хотя бы и самыхъ возвышенныхъ и благородныхъ, но мало примѣнимыхъ въ дѣйствительности принциповъ, сколько установленіемъ хотя бы и менѣ громкихъ, но зато осуществимыхъ и на дѣлѣ примѣнимыхъ началъ, которыя должны послужить прочнымъ сѣменемъ для дальнѣйшаго развитія правильныхъ и здравыхъ понятій о войнѣ.

Эта послѣдняя мысль и является господствующей

щей въ современной наукѣ съ тѣхъ поръ, какъ она, въ лицѣ одного изъ лучшихъ своихъ представителей—Канта,—отказалась отъ сладкой, но обманчивой надежды увидѣть вскорѣ на землѣ осуществленіе идеи вѣчнаго мира. Будучи убѣжденнымъ и вѣрнымъ сторонникомъ мира, но не обманывая себя никакими иллюзіями и ложными надеждами, Кантъ выразилъ увѣренность въ возможности наступленія не вѣчнаго мира, а лишь мира, приближающагося къ вѣчному, такъ какъ даже при осуществленіи той системы всемірно-федеративной республики, которая, по его мысли, должна явиться вѣнцомъ общественной организаціи человѣчества, война все-таки будетъ иногда необходима, какъ исполнительное средство. Ученые, слѣдовавшіе за Кантомъ, вполне воспринявши его теорію, обратили главное свое вниманіе на выясненіе тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ въ настоящее время война является законною, и свели ихъ къ одной главной цѣли—защитѣ государства-отечества. Подробное развитіе этой мысли мы находимъ у Фихте, затѣмъ у Гердера, у Бенжамена Константа, у Цахаріа, у Р. ф.-Моля, Тренделенбурга, Бара, де Парье, Лорана и у всей современной школы международнаго права, давшей міру въ теченіе послѣдняго столѣтія цѣлый рядъ выдающихся представителей. Всѣ усилія ихъ направлены только къ тому, чтобы по возможности ограничить

кругъ дѣйствія войны и смягчить причиняемыя ею бѣдствія путемъ развитія одной изъ величайшихъ идей нашего времени—идеи права войны, регулированія извѣстными началами примѣненія силы на войнѣ, гдѣ ей принадлежитъ такое исключительное мѣсто и значеніе.

III.

Обращаясь теперь непосредственно къ разсмотрѣнію вопроса о правѣ войны, нельзя, конечно, скрывать отъ себя всей его трудности и сложности. Едва ли есть даже вообще еще какой-нибудь вопросъ въ области войны, который въ такой степени подвергался бы нападкамъ и со стороны противниковъ и сторонниковъ войны, и въ то же время и со стороны и противниковъ и сторонниковъ идеи права, какъ именно эта идея права войны. Противники войны считаютъ самую попытку сочетанія такихъ противоположныхъ идей, какъ война и право, какимъ то святотатственнымъ оскорбленіемъ идеи права, вреднымъ для всего человѣчества, такъ какъ подобная попытка должна, по ихъ мнѣнію, вдохнуть въ идею войны новыя силы и отдалить надолго то, быть можетъ, недалекое время, когда народы подъ вліяніемъ ужасовъ войны, не освященной авторитетомъ идеи права, придутъ къ

неизбѣжному сознанию необходимости ея уничтоженія.

Задача крайнихъ сторонниковъ войны въ ихъ стремленіи не допустить и самой мысли о правѣ войны, повидимому, еще легче и проще, такъ какъ они, считая войну призванною лишь къ исключительному проявленію силы, признаютъ не менѣе святотатственнымъ посягальствомъ на ея значеніе малѣйшую попытку ввести проявленіе этой силы хотя бы въ какія-нибудь рамки, могущія стѣснить ее въ ея дѣятельности.

Необходимо, такимъ образомъ, разобраться между двумя этими крайними взглядами и разрѣшить вопросъ, неужели же дѣйствительно идея права войны представляется логическимъ абсурдомъ или же, наоборотъ, она является лучшимъ достояніемъ современной культуры, способнымъ оправдать всѣ надежды, на нее возлагаемыя.

Если мы остановимся прежде всего на выясненіи вопроса, имѣетъ ли какое-либо значеніе то опасеніе, что развитіе идеи права войны должно дать войнѣ новыя силы и на много увеличить срокъ ея дальнѣйшаго существованія, то намъ нетрудно будетъ придти къ заключенію о полной несостоятельности подобнаго взгляда, несмотря даже на то, что, къ сожалѣнію, среди сторонниковъ его находятся нѣкоторые довольно видные ученые, выразителемъ мнѣній которыхъ явился

еще въ самое послѣднее время французскій юристъ Лапраделль, высказавшій въ своей извѣстной статьѣ о Гаагской конференціи, что „подчинить войну правовымъ нормамъ, это значитъ—смягчить ея дѣйствіе; стало быть — не препятствовать ея развитію, а укрѣпить ее авторитетомъ закона“ ¹⁾.

Пожалуй, дѣйствительно на первый взглядъ подобныя воззрѣнія могутъ показаться справедливыми, если строить на основаніи ихъ предположенія о томъ, что война тѣмъ скорѣе должна убить сама себя, чѣмъ она будетъ представляться ужаснѣе по своимъ послѣдствіямъ и чѣмъ больше будетъ поэтому оснований какъ можно скорѣе освободиться отъ нея. Но нельзя не замѣтить, что разсужденія противниковъ идеи права войны на подобной почвѣ идутъ наперекоръ самымъ основнымъ началамъ исторической логики, потому что вся эволюція войны, параллельно съ развитіемъ общаго прогресса человѣчества, представляетъ собою постепенное ея самоограниченіе, постепенное подчиненіе ея извѣстнымъ нормамъ, которыя въ настоящее время освящены уже авторитетомъ вѣковъ и мало-по-малу освящаются также и авторитетомъ международнаго законодательства. Еще рѣзче обнаружится несостоятельность приведеннаго выше взгляда, если, вполнѣ послѣ-

---

¹⁾ Revue de droit international public. 1899. I. VI.

довательно развивая его дальше, мы должны будем придти къ тому, чтобы отрицать такія безусловно признанныя въ настоящее время начала права войны, какъ напр., неприкосновенность мирнаго населенія, женщинъ и дѣтей и т. п., исходя изъ той точки зрѣнія, что если и они будутъ подвергаться ужасамъ войны, война будетъ представляться человѣчеству еще болѣе страшнымъ бѣдствіемъ и можно будетъ питать поѣтому надежду, что оно тѣмъ скорѣе отъ него откажется. Однимъ словомъ—«чѣмъ хуже, тѣмъ лучше».

Совершенно очевидно, насколько подобныя разсужденія неосновательны. Считаться съ ними—это значитъ закрывать глаза на ту основную истину, что въ движеніи человѣческаго прогресса нѣтъ и не можетъ быть скачковъ, что движеніе это происходитъ хотя и медленными, но во всякомъ случаѣ логически неуклонно одинъ за другимъ слѣдующими шагами и что поѣтому гораздо больше надо дорожить хотя и незначительнымъ, но зато вѣрнымъ подобнымъ шагомъ, чѣмъ обманчивыми надеждами на возможность устрашенія человѣчества перспективою беспорядочной войны-бойни. Первое даетъ вѣрный успѣхъ идеѣ прогресса, а второе, еслибы оно только было возможно, могло бы даже возвратить человѣчество назадъ на цѣлые вѣка его исторической жизни; такъ какъ нельзя забывать, что если, съ одной стороны, человѣчество, несомнѣнно, можетъ оказать свое

вліяніе на способъ веденія войны, то, съ другой стороны, не менѣе несомнѣнно, что и само оно можетъ поддаться вліянію его. И если только признать нежелательнымъ въ самомъ принципѣ право войны, то нельзя не готовиться къ тому, что господство на войнѣ полного произвола, сопровождаясь самыми крайними и ужасными его проявленіями, окажетъ на человѣчество свое гибельное деморализующее вліяніе, и оно, вмѣсто того, чтобы сдѣлать, какъ ожидаютъ сторонники этого взгляда, новый шагъ впередъ, сдѣлаетъ, наоборотъ, нѣсколько шаговъ назадъ и возвратится къ прежнему своему состоянію.

Если мы обратимся теперь къ разсмотрѣнію взглядовъ противоположнаго лагеря противниковъ идеи права войны, которые возстаютъ противъ нея потому, что, по ихъ мнѣнію, самой идеѣ права не должно быть мѣста на войнѣ, гдѣ высшимъ закономъ является сила,—то намъ едва ли даже необходимо будетъ вступать въ принципиальный споръ относительно этого мнѣнія съ его сторонниками для того, чтобы доказать имъ, что правда не на ихъ сторонѣ. Въ самомъ дѣлѣ, не касаясь даже вопроса о томъ, можно ли, не нарушая современныхъ взглядовъ на достоинство человѣка и на значеніе войны, не стараться опредѣлять на войнѣ проявленіе силы какими-нибудь границами, достаточно только спросить сторонниковъ упомянутого

выше мнѣнія, могутъ ли они отрицать, что на войнѣ существуютъ извѣстные освященные авторитетомъ вѣковъ, созданные къ тому же въ значительной своей части самою войною и ея представителями правила и законы, несоблюденіе которыхъ представляется для война нечестнымъ, какъ напр., относительно вѣроломнаго убійства, употребленія яда или отравленнаго оружія и т. п. Конечно, они не могутъ отвѣчать, что такихъ правилъ нѣтъ, и дѣйствительно даже самыя крайніе ихъ представители этого не отрицаютъ, — и этого вполне достаточно для того, чтобы убѣдиться, что, въ сущности говоря, здѣсь весь споръ только въ словахъ. Юристы, у которыхъ мысль привыкла совершать свой путь отъ общаго къ частному, отстаиваютъ идею права войны, какъ отправную точку для нѣкоторыхъ существующихъ уже ея законовъ и обычаевъ и для ихъ дальнѣйшаго развитія; представители противоположнаго лагеря, сами же признавая существованіе нѣкоторыхъ подобныхъ законовъ, боятся однако произнести слово „право войны“, образъ котораго рисуется имъ въ видѣ какого-то деспота, готоваго связать ее по рукамъ и ногамъ и лишить ее всякой силы и значенія. Какъ бы это ни было, быть можетъ, и хорошо, съ точки зрѣнія противниковъ войны, но необходимо имѣть въ виду, что пока объ этомъ во всякомъ случаѣ и мечтать не приходится, и что право

войны есть, по выраженію одного изъ лучшихъ авторитетовъ въ этой области Морэна, не больше и не меньше, какъ „совокупность законовъ и обычаевъ, опредѣляющихъ формы и предѣлы примѣненія силы на войнѣ“, большинство которыхъ соблюдается уже за много лѣтъ до тѣхъ поръ, когда впервые было произнесено самое слово „право войны“. И юристы, и военные одинаково признаютъ, что отношенія между воюющими должны опредѣляться извѣстными началами; не всѣ изъ этихъ началъ конечно безспорны, и поэтому и нужно соединить общія усилія для того, чтобы установить такія начала съ надлежащею точностью, но во всякомъ случаѣ общая мысль и у тѣхъ, и у другихъ одна и та же, и источникомъ несогласій являются только различные способы ея выраженія.

И наконецъ, наилучшимъ и наиболѣе безспорнымъ доказательствомъ признанія правилъ и обычаевъ войны самими дѣятелями ея можетъ служить то обстоятельство, что именно имъ эти правила и обычаи въ значительной степени обязаны своимъ возникновеніемъ и развитіемъ. Правда, побужденія ихъ при этомъ были, быть можетъ, не всегда одинаковаго порядка съ тѣми, которыми вызывались дѣятельность права и нравственности; они преслѣдовали при этомъ часто исключительно собственные интересы, сохраняя, напр., жизнь плѣннымъ съ тѣмъ, чтобы обратить ихъ въ раб-

ство, или ограничивая грабежи и разбои со стороны своихъ воиновъ въ видахъ поддержанія между ними дисциплины и т. п. Но чѣмъ бы ни вызывалась эта дѣятельность полководцевъ, она во всякомъ случаѣ имѣла громадное положительное вліяніе на развитіе идеи права войны и было бы поэтому недостойно замалчивать ее со стороны теоретиковъ права войны—писателей по международному праву, и крайне близоруко игнорировать со стороны практиковъ войны.

Намъ остается теперь только посчитаться еще съ однимъ возможнымъ возраженіемъ—на этотъ разъ со стороны юристовъ,—касающимся понятія «право войны» на той почвѣ, на которую мы его поставили, ограничивши его значеніе лишь задачей опредѣленія формъ и предѣловъ примѣненія силы на войнѣ. Намъ могутъ сказать, что для права такая задача слишкомъ скромна, что право должно устранять самое примѣненіе силы, а не регулировать его, и что нельзя поэтому возводить на высокую ступень права тѣ обычаи и законы, которыми опредѣляется примѣненіе силы на войнѣ.

Въ дѣйствительности однако не трудно убѣдиться въ неосновательности подобнаго возраженія, если только обратить вниманіе на то, что въ данномъ случаѣ сужденіе это высказывается съ точки зрѣнія общаго современнаго состоянія права; между тѣмъ какъ въ историческомъ своемъ раз-

витіи оно проходило такіа стадіи, которыя теперь проходитъ международное право вообще и право войны въ частности, и которыя тѣмъ не менѣе были уже вполне правовыми по своему существу и значенію.

Даже не становясь на крайнюю точку зрѣнія представителей той юридической школы, которая провозглашаетъ общій принципъ о томъ, что «право есть политика силы», нельзя все таки отрицать, что во всей исторіи человѣчества первыя правовыя нормы возникаютъ не въ цѣляхъ опредѣленія матеріальнаго вопроса о томъ, на чьей сторонѣ право по существу, а лишь въ интересахъ осуществленія каждымъ того, что онъ считаетъ своимъ правомъ,—потому что у него есть на это сила,—безъ излишнихъ злоупотребленій и крайняго самовластія. Ни въ какомъ случаѣ нельзя, увлекаясь гордымъ сознаніемъ всего высокаго значенія идеи права для современнаго человѣчества, забывать, что и самое слово «право»—по латыни «*ius*»—какъ это замѣтилъ еще Гроцій, есть не что иное, какъ усѣченная форма слова «*iussum*», т. е. «приказанное», и самое понятіе права въ историческомъ его происхожденіи есть не что иное, какъ усѣченная форма понятія силы. Это старая истина, что формальное право всегда развивается гораздо раньше матеріальнаго и служитъ переходною ступенью къ нему отъ полнаго без-

правія; и если международное право, существующее такъ недавно, переживаетъ еще лишь эту одну изъ первоначальныхъ стадій своего развитія, то это во всякомъ случаѣ едва ли можетъ служить основаніемъ къ его отрицанію.

Международное право, и въ особенности право войны, несомнѣнно, еще очень молодо въ сравненіи съ другими отраслями права, но оно успѣло уже оказать такія чудеса успѣховъ за недолгое время своего существованія, что серьезный юристъ, конечно, отнесется къ нему съ полнымъ вниманіемъ, не предъявляя однако къ нему такихъ требованій, которыя онъ съ полнымъ основаніемъ можетъ предъявлять къ другимъ отраслямъ права, считающимъ свое существованіе уже цѣлыми вѣками и тысячелѣтіями.

Пусть право войны есть дѣйствительно лишь сводъ процессуальныхъ законовъ силы, но необходимо во всякомъ случаѣ помнить, что самое существованіе такихъ законовъ доказываетъ уже сознаніе необходимости извѣстныхъ ограниченій этой силы и что только постепеннымъ развитіемъ этихъ ограниченій можно достигнуть въ отдаленномъ будущемъ устраненія самаго ея примѣненія.

И тѣмъ болѣе поэтому надеждъ и упованій, и тѣмъ болѣе и уваженія къ себѣ должна вызывать идея права войны, идея опредѣленія извѣстныхъ

формъ и границъ осуществленія силы тамъ, гдѣ, казалось бы, именно сила должна властвовать безгранично и не считаться ни съ какими сдерживающими обстоятельствами.

Но само собою разумѣется, что осуществленіе этой идеи должно производиться на такой почвѣ, которая обезпечивала бы ей жизнеспособность, при строгомъ вниманіи къ условіямъ и требованіямъ дѣйствительной жизни и къ той обстановкѣ, въ какой этой идеѣ приходится расти и развиваться. Въ этомъ отношеніи наилучшимъ руководящимъ началомъ могутъ служить слѣдующія прекрасныя слова, принадлежащія такому выдающемуся государственному дѣятелю и мыслителю, какъ предсѣдатель Брюссельской конференціи бар. Жомини: «Очевидно, что задача нашего времени заключается въ осуществленіи двухъ взаимно дополняющихъ одна другую цѣлей: ограничить разрушительное дѣйствіе войны, относясь однако съ полнымъ уваженіемъ къ неотвратимымъ требованіямъ военной необходимости, уменьшить страданія человѣчества, считаясь однако съ обязанностями, лежащими на немъ» ¹⁾... «Задача эта можетъ быть осуществлена только въ томъ случаѣ, если война будетъ вестись въ одно и то же время

---

¹⁾ Actes de la conférence de Bruxelles, p. 169.

и энергично и правильно, согласно тѣмъ законамъ и обычаямъ, которые въ глазахъ цивилизованныхъ народовъ освящены авторитетомъ вѣковъ, если въ ней избѣгаются излишнія бѣдствія и жестокости, которыя, разжигая страсти, влекутъ за собою репрезалии и оставляютъ по себѣ слѣды взаимнаго озлобленія, затрудняющаго самое возобновленіе мирныхъ сношеній»... «Примиреніе требованій двухъ различныхъ состояній, которыя представляются какъ бы отрицаніемъ одно другого,—дѣло конечно нелегкое. Но трудность его ни въ какомъ случаѣ не должна служить основаніемъ для того, чтобы отказываться отъ этой работы на почвѣ такихъ прочныхъ устоевъ, какъ требованія чело-вѣчности и цивилизаціи и сознаніе общности интересовъ всѣхъ и cadaго».

Еслибы теперь, послѣ того, что мы говорили уже о правѣ войны, мы пожелали резюмировать въ одномъ общемъ заключеніи всѣ наши разсужденія о немъ, то мы едва ли могли бы сдѣлать это лучше, какъ приведя слова двухъ, несомнѣнно, выдающихся авторитетовъ науки о правѣ войны: «Ничто такъ не заслуживаетъ почетнаго званія права, какъ сводъ правилъ, соблюдаемыхъ во время войны, въ то время, когда, повидимому, порываются всѣ общественныя связи между противниками и они не признаютъ для себя никакихъ другихъ руководящихъ началъ, кромѣ

силы» ¹⁾. «Именно тогда, когда война уничтожаетъ дѣйствіе связывающихъ народы трактатовъ и нарушаетъ всякое согласіе между ними,—въ особенности необходимо установить такіе законы, которые никѣмъ не будутъ нарушаемы, прежде всего потому, что главный источникъ ихъ—общій интересъ обѣихъ сторонъ; затѣмъ, также и потому, что, будучи установлены общимъ соглашеніемъ, они должны сохранять свою силу, несмотря на частныя несогласія; и наконецъ,—потому еще, что они установлены именно на случай войны и въ предвидѣніи тѣхъ случайностей, которыя могутъ въ ней представиться» ²⁾.

Первыя изъ приведенныхъ только что словъ принадлежатъ извѣстному спеціалисту въ области права войны французскому профессору Пилле, а вторыя—не менѣе авторитетному знатоку въ этой области Гюэллю, мнѣніе котораго въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе цѣнно, что онъ, будучи ученымъ теоретикомъ, въ то же время носитъ военный мундиръ и поэтому лучше кого-либо другого можетъ судить о данномъ вопросѣ съ различныхъ точекъ зрѣнія на него.

---

¹⁾ Pillet. Philosophie de la guerre.

²⁾ J. Guelle. La guerre continentale, p. 5.

IV.

Переходя къ исторіи развитія права войны, слѣдуетъ замѣтить, что первые зачатки ея наблюдаются еще въ древнѣйшее время. Такъ, напр., уже въ знаменитомъ индійскомъ сборникѣ законовъ Ману нашли себѣ мѣсто постановленія о необходимыхъ ограниченіяхъ силы по отношенію къ раненымъ, плѣннымъ и безоружнымъ. „Воинъ не долженъ убивать того, кто проситъ о пощадѣ, кто съ мольбою протягиваетъ руки, кто самъ отдается ему во власть, говоря: „я твой плѣнникъ“, ни безоружнаго, ни обнаженнаго, ни раненаго, ни бѣгущаго“. Точно также воспрещаетъ этотъ законъ употребленіе яда и отравленнаго оружія, какъ вѣроломныхъ средствъ войны, недостойныхъ честнаго воина.

У другихъ народовъ древности мы, правда, нигдѣ не находимъ подобнаго введенія основныхъ началъ права войны въ кругъ законодательныхъ положеній, но несомнѣнно, что начала эти жили все таки въ сознаніи этихъ народовъ и находили себѣ выраженіе въ устахъ лучшихъ ихъ представителей.

Такъ, напр., уже Фукидидъ осуждаетъ убійство врага, обезоруженнаго и умоляющаго о пощадѣ; подобное же осужденіе находимъ мы и у Діодора Сицилійскаго, и у Цицерона, и у Тацита, и у Тита

Ливія и у многихъ другихъ выдающихся писателей древняго міра.

Точно также осуждалось уже и въ ту эпоху разграбленіе непріятельскаго имущества или, по крайней мѣрѣ, безпорядочный его характеръ, который самымъ гибельнымъ образомъ отражался на дисциплинѣ самихъ же производившихъ его войскъ, и уже въ Римѣ, какъ извѣстно, выработанъ былъ особый порядокъ распредѣленія военной добычи. Являясь вначалѣ исключительно формальнымъ ограниченіемъ и не оказывая почти никакого вліянія на положеніе противной стороны, которая все-таки лишалась всего своего имущества, порядокъ этотъ имѣлъ однако громадное значеніе, послуживши отправнымъ пунктомъ для признанія государственнаго характера собственности, какъ основанія для распространенія на нее непріятельской власти, и развитія принципа неприкосновенности частной собственности.

Въ средніе вѣка развитіе идеи права войны и признанія за нимъ обязательной силы сдѣлало новые значительные успѣхи, и подъ вліяніемъ двухъ такихъ сильныхъ новыхъ факторовъ, какъ христіанство и рыцарство, все болѣе и болѣе растетъ сознаніе необходимости челоуѣчности и на войнѣ, и начинаетъ находить себѣ выраженіе и признаніе въ особыхъ законодательныхъ актахъ духовной и свѣтской власти. Въ этомъ отношеніи

заслуживаютъ особаго вниманія акты Соборовъ— Римскаго въ 1059 г., знаменитаго Клермонтскаго въ 1095 г., перваго Латеранскаго въ 1123 г. и третьяго Латеранскаго въ 1179 г., а также постановленія выдающихся памятниковъ духовнаго законодательства этой эпохи—декрета Граціана и декреталій Григорія IX, въ которыхъ категорически провозглашался принципъ неприкосновенности духовныхъ лицъ и женщинъ, паломниковъ, купцовъ, путешественниковъ и вообще мирныхъ жителей.

По мѣрѣ того, какъ выступаетъ на историческую сцену новая сильная свѣтская власть, она, учреждая для поддержанія своего постояннаго арміи, особенно внимательно относится къ вопросу о поддержаніи въ нихъ порядка и дисциплины и издаетъ съ этою цѣлью особыя военные уставы, гдѣ не послѣднее мѣсто отводится и такимъ постановленіямъ, которыя, являясь конечно прежде всего средствомъ поддержанія порядка, служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе дѣйствительными средствами проведенія въ жизнь основныхъ началъ права войны. Первыми примѣрами подобныхъ военныхъ законовъ были еще законы нѣкоторыхъ византійскихъ Императоровъ, а въ западной Европѣ уставы Людовика VII-го 1141 года и „лагерныя законы“ Фридриха Барбаруссы 1155 года. Изъ послѣдующихъ уставовъ въ особенности за-

служиваютъ вниманія извѣстные „Статуты“, изданные въ 1385 году англійскимъ королемъ Ричардомъ II, постановленія которыхъ были подкрѣплены еще позднѣйшими „General Orders“ Генриха V 1415 г., гдѣ нашли себѣ оффиціальное выраженіе и признаніе основныя начала права войны. Примѣру Англии очень скоро послѣдовали и другія страны,—такъ что въ Швейцаріи въ 1393 году также издана была знаменитая Семпахская грамота—Semracherbrief, въ Германіи въ 1424 году—военное уложеніе саксонскаго герцога Фридриха, военные регламенты Императора Сигизмунда 1431 года, Фридриха III и Максимилиана—1442 и 1486 г.г., а затѣмъ извѣстные военные ордоннансы Карла Смѣлаго Бургундскаго (1468, 1471 и 1473 г.г.) и многіе другіе. Кромѣ того, главнѣйшія общія начала права войны находили себѣ мѣсто также и въ нѣкоторыхъ памятникахъ общаго законодательства, такъ что, напр., нейтрализація духовныхъ лицъ, женщинъ и дѣтей была признана аррагонскимъ королемъ Іаковомъ I еще въ 1247 году; этотъ же принципъ нашелъ себѣ признаніе также и въ древнѣйшемъ германскомъ законодательномъ памятникѣ—Саксонскомъ зеркалѣ (II, 66, § 1), затѣмъ въ Золотой Буллѣ (Dumont, I, 2, 305) и въ другихъ выдающихся законодательныхъ актахъ.

Послѣ того, какъ основныя начала права войны нашли себѣ такимъ образомъ признаніе въ законо-

дательныхъ актахъ отдѣльныхъ государствъ, естественно должна была наступить дальнѣйшая стадія въ ихъ развитіи, отличительною чертою которой является ея международный характеръ. Теперь уже два какія-нибудь государства, въ законодательствахъ которыхъ были выражены одинаковые взгляды на ту или иную сторону взаимныхъ отношеній между воюющими, отводили этимъ взглядамъ особое мѣсто въ международномъ двустороннемъ договорѣ, въ которомъ обѣ стороны принимали на себя обязательство выполненія этихъ основныхъ требованій. Конечно, при слабомъ развитіи международно-правового характера общенія и при исключительномъ значеніи войны еще и въ эту эпоху, въ подобныхъ трактатахъ могли заключаться лишь постановленія, касающіяся наиболѣе бесспорныхъ подобныхъ требованій и при этомъ такихъ, которыя меньше всего могли оказать вліяніе на ходъ военныхъ операцій. Однимъ изъ такихъ вопросовъ былъ вопросъ о положеніи раненыхъ на войнѣ, и дѣйствительно, исторія этой эпохи отъ второй половины XVI-го столѣтія и до самаго послѣдняго времени оставила намъ цѣлый рядъ договоровъ съ подробными постановленіями, касающимися положенія раненыхъ, а въ нѣкоторыхъ изъ этихъ договоровъ наряду съ такими постановленіями встрѣчаются также и подобныя имъ, относительно положенія плѣнныхъ и ихъ имущества.

Послѣ этого должна была опять наступить новая стадія въ исторіи развитія и закрѣпленія основныхъ началъ права войны, такъ какъ при существованіи массы отдѣльныхъ международныхъ договоровъ, связывавшихъ между собою уже почти весь цивилизованный міръ, естественно должна была зародиться и развиться мысль о желательности признанія ихъ разъ на всегда обязательными однообразно и одновременно всѣми отдѣльными государствами.

Однако и этой идеѣ кодификаціи права войны пришлось вынести нелегкую борьбу со своими противниками, прежде чѣмъ она нашла себѣ то уваженіе и признаніе, котораго она вполне заслуживаетъ. Главныя возраженія, которыя приводились противъ нея и отчасти приводятся еще до сихъ поръ, заключались въ томъ, что кодификація должна связать по рукамъ и ногамъ военачальниковъ и совершенно стѣснить ихъ свободу дѣйствій. Но едва ли можно признать какое-либо значеніе за этимъ возраженіемъ, если имѣть въ виду, что кодификація ставитъ себѣ цѣлью не созданіе какихъ-нибудь новыхъ законовъ войны, а лишь сведеніе во-едино и освященіе своимъ авторитетомъ тѣхъ законовъ уже существующихъ, обязательность и значеніе которыхъ даже и безъ кодификаціи признаетъ для себя каждый уважающій себя военачальникъ.

Но въ такомъ случаѣ можетъ возникнуть и дѣйствительно возникаетъ сомнѣніе, зачѣмъ же необходима кодификація, если и безъ нея начала права войны соблюдаются. Однако, уже и не говоря о томъ, что кодификація права войны должна имѣть громадное значеніе для тѣхъ, хотя и не многочисленныхъ, быть можетъ, но все же существующихъ случаевъ, когда она могла бы предупредить злоупотребленія со стороны лицъ недобросовѣстныхъ, значеніе ея должно быть очень велико даже при всѣхъ благопріятныхъ условіяхъ, такъ какъ только ей одной можетъ быть по силамъ задача безусловнаго признанія того или иного правила войны и предупрежденія такимъ образомъ нерѣдко гибельныхъ недоразумѣній между двумя воюющими сторонами, которыя, иногда даже и признавая въ существѣ своемъ для себя обязательнымъ то или иное правило войны, расходятся все-таки между собою въ частностяхъ его пониманія. Классическимъ образцомъ можетъ служить въ данномъ случаѣ извѣстный примѣръ захвата въ плѣнъ русскаго генерала Винценгероде, отправленнаго парламентаромъ къ французамъ въ 1812 году. Императоръ Александръ I назвалъ это вопіющимъ нарушеніемъ основныхъ началъ международнаго права, а французы, нисколько не отрицая, что захватъ парламентаря дѣйствительно является подобнымъ нарушеніемъ,

доказывали однако, что въ данномъ случаѣ они поступили вполне правильно, такъ какъ Винценгероде не выполнилъ всѣхъ условій, требуемыхъ правомъ войны, для того, чтобы его званіе парламентаря не подвергалось никакимъ сомнѣніямъ. Очевидно, что при существованіи кодифицированнаго права войны подобныя несогласія были бы невозможны, между тѣмъ какъ при отсутствіи его „споры ожесточаютъ войну, и порождаютъ взаимное неуваженіе между воюющими, изъ которыхъ каждый добросовѣстно вѣритъ въ свою правду“¹⁾.

Остается разсѣять только еще одно возможное сомнѣніе—то именно, какое же значеніе должно принадлежать кодификаціи права войны, если оно не имѣетъ никакой принудительной санкціи и нѣтъ въ концѣ концовъ никакихъ силъ и средствъ для того, чтобы обезпечить со стороны государства выполнение этихъ правовыхъ требованій, даже если оно и дастъ свою подпись подъ протоколомъ какой нибудь международной конференціи. Такія силы однако въ дѣйствительности существуютъ: ихъ представляютъ собою взаимное сознаніе общности интересовъ обѣихъ сторонъ, изъ которыхъ каждая, чтобы испытывать на себѣ дѣйствіе права войны, должна въ свою очередь въ силу необхо-

---

¹⁾ Мартенсъ. Соврем. междунар. право, т. II, стр. 251.

димости примѣнять его по отношенію къ противнику. Относительно же нравственной отвѣтственности, которая ложится на какое-нибудь государство въ случаѣ нарушенія имъ права войны, нечего и говорить, что, если только она можетъ быть надежною и дѣйствительною вообще, то тѣмъ болѣе въ томъ случаѣ, если государство это заранее приметъ на себя предъ лицомъ всего цивилизованнаго міра извѣстныя обязательства. Что это дѣйствительно такъ, въ этомъ можно убѣдиться лучше всего, кажется, изъ того, что подобная кодификація признается необходимою также и въ области внутренняго государственнаго права, опредѣляющаго отношенія между государствомъ и гражданиномъ, между тѣмъ какъ въ этомъ случаѣ, казалось бы, гораздо болѣе возможны уклоненія отъ началъ этого права со стороны государства, какъ неизмѣримо болѣе сильнаго въ сравненіи съ отдѣльнымъ гражданиномъ.

Правда, конечно, что мы, какъ это очень зло, но вполне справедливо замѣтилъ еще Монтескье, слишкомъ привыкли признавать значеніе права только за такими нормами, „за спиною которыхъ стоитъ жандармъ, съ шапкою, обнаженною на голо“, но ни въ какомъ случаѣ нельзя забывать, что истинное значеніе закона и права заключается, какъ это замѣтилъ еще Бэконъ, не въ принудительности его, а въ сознаніи его цѣлесообразности.

Въ связи съ этимъ послѣднимъ изрѣченіемъ Бэкона нельзя однако не припомнить также и другое изрѣченіе этого мыслителя, которое должно пролить намъ свѣтъ на истинный характеръ кодификаціи права войны: „Философы многое предлагаютъ на словахъ прекрасное, но въ дѣйствительности неосуществимое“. Безусловно необходимо помнить, что именно въ виду этого самымъ надежнымъ залогомъ дѣйствительности кодификаціи права войны можетъ служить исключительно строгое соотвѣтствіе ея условіямъ и требованіямъ жизни, умѣнье не увлекаться быть можетъ, и весьма возвышенными и благородными стремленіями до тѣхъ поръ, пока они не войдутъ дѣйствительно прочно въ сознаніе человѣчества. Надо имѣть въ виду, что задачей кодификаціи является лишь подведеніе итоговъ современнаго правосознанія, и только черезъ посредство этого она вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ сильный толчекъ къ дальнѣйшему развитію его въ надлежащемъ направленіи.

Только при такихъ условіяхъ кодифицированное право войны можетъ имѣть всѣ основанія къ тому, чтобы рассчитывать дѣйствительно на полное и строгое примѣненіе его на практикѣ, если не уносясь въ заоблачныя выси теоріи, оно заставитъ ее дѣлать практикѣ тѣ безусловно необходимыя уступки, которыя при современномъ состояніи взглядовъ и воззрѣній на тотъ или иной вопросъ, пред-

ставляются абсолютно неизбежными. Какъ говорить одинъ изъ лучшихъ авторитетовъ по вопросу о кодификаціи права войны Муанье, „излишняя чувствительность въ данномъ случаѣ могла бы послужить причиною созданія такого порядка, который оказался бы несовмѣстимымъ съ требованіями военной необходимости, а такая кодификація принесла бы болѣе вреда, чѣмъ пользы“. „Не въ изученіи того, чѣмъ бы могла или должна была бы быть война, говоритъ другой выдающійся ученый Пилле, лежитъ ключъ къ открытію тѣхъ началъ, которыми она управляется, а въ изученіи ея въ томъ видѣ, въ какомъ она представляется въ дѣйствительности“.

V.

Итакъ, говоря ясно и кратко словами русскаго уполномоченнаго на Гаагской конференціи г. Мартенса: „Если законы войны существуютъ—а этого никто не оспариваетъ—то безусловно необходимо согласиться относительно ихъ опредѣленія“, и намъ остается теперь только обратиться къ разсмотрѣнію того, въ какой степени находила себѣ признаніе мысль эта на практикѣ. При этомъ мы не можемъ и не должны воздержаться отъ выраженія искренняго и вполне заслуженнаго каждымъ русскимъ чувства гордости при мысли о томъ, что именно

Россіи и ея выдающимся Государямъ принадле-
житъ высокая честь провозглашенія впервые и
затѣмъ послѣдовательнаго шагъ за шагомъ про-
веденія въ жизнь высокой идеи кодификаціи права
войны, начиная со знаменитаго „Акта воору-
женнаго нейтралитета“, созданнаго Императрицею
Екатериною II, и кончая Гаагской конвенціею,
обязанной своимъ происхожденіемъ Правнуку
Великой Екатерины.

Въ самомъ дѣлѣ, первымъ памятнымъ для идеи
кодификаціи права войны годомъ навсегда оста-
нется 1780 годъ, когда русскою Императрицею
былъ составленъ знаменитый „Актъ вооруженнаго
нейтралитета“, послужившій первымъ законода-
тельнымъ памятникомъ общемеждународнаго права
и образцомъ для послѣдующихъ подобныхъ же
актовъ. Сохранились даже свѣдѣнія о томъ, что
великую Императрицу занимала мысль о составле-
ніи общаго кодекса морской войны, и только не-
счастно складывавшіяся политическія обстоятель-
ства лишили ее возможности осуществленія этого
плана. Послѣ этого въ теченіи цѣлаго почти сто-
лѣтія трудно было даже ожидать дальнѣйшаго
развитія идеи кодификаціи права войны, сначала
при томъ всепоглощающемъ значеніи войны, ко-
торое она приобрѣла въ эпоху французской рево-
люціи и наполеоновскихъ войнъ, а затѣмъ во
время того сорокалѣтняго мирнаго затишья, кото-

рымъ пользовалась Европа послѣ страшнаго кошмара этихъ войнъ. Но стоило начаться послѣ этого одной серьезной войнѣ, которою въ данномъ случаѣ явилась Крымская, и идея кодификаціи права войны снова привлекла къ себѣ вниманіе человѣчества и создала актъ Парижской деклараціи 1856 г., въ которой опредѣленіе правъ и обязанностей нейтральныхъ нашло себѣ дальнѣйшее развитіе.

Послѣ этого развитіе идеи кодификаціи права войны или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ его частей пошло впередъ съ лихорадочною быстротой. Совершенно естественно было обратиться прежде всего къ кодификаціи такого отдѣла права войны, который, имѣя менѣе всего общаго съ ходомъ военныхъ операцій, долженъ былъ встрѣтить наименьшую оппозицію со стороны крайнихъ практиковъ войны и вмѣстѣ съ тѣмъ, касаясь вопроса, несомнѣнно, уже очень наболѣвшаго, могъ смѣло рассчитывать на самое широкое сочувствіе и содѣйствіе со стороны всего общества. Такимъ предметомъ явился вопросъ о судьбѣ больныхъ и раненыхъ на полѣ сраженія, уже выведенныхъ изъ строя воиновъ,—и счастливая честь инициативы въ конечномъ разрѣшеніи его выпала на долю извѣстнаго швейцарца Дюнана, имя котораго съ тѣхъ поръ навсегда осталось окружено славнымъ ореоломъ высокихъ незабвенныхъ заслугъ передъ человѣчествомъ.

Обязанная его почину своимъ происхожденіемъ конференція, созванная для этой цѣли, собралась въ Женевѣ 8 Августа 1864 года и выработала тотъ актъ международнаго законодательства—„Конвенцію объ улучшеніи участи воиновъ, раненыхъ на полѣ сраженія“, въ которомъ нашли себѣ впервые всеобщее опредѣленное признаніе высокія начала обращенія съ раненымъ врагомъ, какъ съ братомъ. Пересмотрѣнная въ 1906 г., Женевская конвенція является, несомнѣнно, однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ достояній не только права войны, но и вообще современнаго прогресса.

Слѣдующимъ за Женевскою конвенціею замѣчательнымъ актомъ международной кодификаціи права войны является Петербургская декларация 1868 года, обязанная происхожденіемъ своимъ почину Русскаго правительства. Декларация эта явилась результатомъ работъ особой международной конференціи, созванной въ Петербургѣ съ цѣлью правового признанія тѣхъ началъ по отношенію къ средствамъ веденія войны, которыя нашли себѣ такое прекрасное выраженіе въ письмѣ тогдашняго рускаго военнаго Министра графа Милютина къ Канцлеру князю Горчакову, указывавшемъ на необходимость „сдѣлать неизбежное зло войны сколько возможно менѣе жестокимъ для человѣчества“ и не „вводить такія смертоносныя средства, ко-

торыя только увеличиваютъ бѣдствія и страда-
нія людей безъ всякой пользы для прямой цѣли
войны“. Предложеніе Россіи встрѣтило самое со-
чувственное отношеніе къ себѣ со стороны другихъ
государствъ, такъ что Пруссія съ своей стороны
предложила даже расширить предполагаемую про-
грамму конференціи и сдѣлать предметомъ ея за-
нятій, кромѣ вопроса о недозволенныхъ средствахъ,
еще „нѣкоторыя аналогичныя начала, уже давно
провозглашенныя международнымъ правомъ и
иногда признаваемыя и въ трактатахъ“, и лишь
противодѣйствіе нѣкоторыхъ другихъ державъ за-
глушило въ корнѣ это благое начинаніе, которому
суждено было осуществиться только черезъ трид-
цать лѣтъ. Содержаніемъ же Петербургской декла-
раціи явилось одно только предложенное С.-Петер-
бургскимъ кабинетомъ запрещеніе употребленія
разрывныхъ пуль вѣсомъ менѣе 400 граммъ.

Между тѣмъ, начавшаяся черезъ два года послѣ
Петербургской деклараціи кровопролитная война
между Германіей и Франціею съ неоспоримою на-
глядностью доказала, что предложеніе Пруссіи было
какъ нельзя болѣе необходимымъ и настоятельнымъ
требованіемъ нашего времени точно опредѣлить, что
можно и чего нельзя дѣлать на войнѣ; и лишь
только хотъ немного закрылись раны, нанесенныя
этою войною національнымъ чувствамъ обѣихъ
противныхъ сторонъ, Русскій Императоръ, вѣрный

традиціямъ русской политики по этому вопросу, рѣшился выступить съ предложеніемъ дать опредѣленную кодификацію праву войны для того, чтобы разъ навсегда предупредить возможность въ особенности гибельныхъ во время войны сомнѣній и несогласій. Предложеніе это обошлось однако Россіи дорогою цѣной, заставивши ее выдержать натискъ самыхъ оскорбительныхъ подозрѣній и упрековъ, изъ среды которыхъ она сумѣла, только благодаря своему достойному образу дѣйствій, выйти съ высокою честью инициативы въ такомъ дѣлѣ, которое, найдя себѣ въ послѣдствіи дѣйствительное осуществленіе, навсегда обезпечило ей благодарность всего человѣчества.

Не говоря уже о тѣхъ недостойныхъ выходкахъ, которыя предпринимались по поводу этой конференціи противъ Россіи со стороны ея противниковъ и имѣли своею цѣлью такъ или иначе умалить ея заслугу въ этомъ отношеніи, Россіи приходилось считаться и съ упреками по самому существу дѣла и поэтому гораздо болѣе серьезными и опасными. Враги ея старались всѣми силами добиться признанія той лжи, что кодификація предложена ею исключительно съ цѣлью создать особый „кодексъ нашествія“, который долженъ быть въ послѣдствіи послушнымъ орудіемъ въ ея завоевательныхъ планахъ, думали умалить заслуги Россіи, указывая на то, что въ сущности она не даетъ

въ своемъ проектѣ ничего новаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ упрекая ее за то, что она будто бы требуетъ признанія какихъ-то совершенно новыхъ, ею самою измышленныхъ началъ международного права,— дѣлали однимъ словомъ все возможное для того, чтобы извратить истинный смыслъ отношенія Россіи къ вопросу о кодификаціи, не страшась при этомъ ни очевидныхъ противорѣчій, ни нелѣпостей—и все-таки Россія всѣмъ своимъ поведеніемъ и на самой конференціи, и послѣ нея, и въ особенности, конечно, положеніемъ своимъ на гаагской конференціи сумѣла какъ нельзя болѣе наглядно и блистательно доказать истинный характеръ своей дѣятельности. Исторія слишкомъ хорошо оцѣнила и произнесла свой безпристрастный приговоръ надъ поведеніемъ „клеветниковъ Россіи“ на брюссельской конференціи, доставивши все-таки, въ силу неумолимыхъ принциповъ исторической жизни, торжество идеѣ русскаго правительства на дѣлѣ во время гаагской конференціи.

Прошло двадцать пять лѣтъ, Европа имѣла достаточно основаній убѣдиться въ томъ, что принципы, провозглашенные брюссельскою деклараціею, являются дѣйствительно всѣми признаваемыми основами права войны, и общественное сознаніе начало естественно тяготиться мыслью о томъ, что принципы эти не нашли себѣ оффиціального признанія изъ-за мелкихъ интригъ и недоумѣній, ко-

торымъ, конечно, не должно было быть мѣста тамъ, гдѣ на карту поставлено было обезпеченіе общаго блага. И конецъ этому тягостному состоянію былъ положенъ опять волею Верховнаго Вождя Россіи.

12—24 августа 1898 года нынѣ покойный русскій Министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Муравьевъ, на долю котораго выпало высокое счастье быть въ этомъ случаѣ исполнителемъ воли своего Государя, обратился ко всѣмъ посламъ державъ, аккредитованнымъ при Русскомъ Дворѣ, съ извѣстнымъ циркуляромъ объ ограниченіи вооруженій, дополненнымъ впоследствии новымъ циркуляромъ, начертывавшимъ программу будущей конференціи,—весьма широкую по своему содержанию, такъ какъ въ ней заключались, кромѣ вопроса о кодификаціи законовъ и обычаевъ войны, еще и вопросы о предупрежденіи самой войны въ отдѣльныхъ случаяхъ путемъ добрыхъ услугъ, посредничества и третейскаго суда, и даже вопросъ о предупрежденіи и смягченіи вообще войнъ будущаго путемъ соглашенія о неувеличеніи военныхъ силъ и неупотребленіи вновь изобрѣтаемыхъ машинъ и орудій войны.

Въ кругъ задачъ настоящей работы, посвященной специально праву войны, не можетъ входить разсмотрѣніе этихъ послѣднихъ предначертаній проекта, и достаточно поэтому лишь ограни-

читься напоминаніемъ о томъ, съ какимъ восторгомъ была встрѣчена въ свое время инициатива Россіи всѣми народами и съ какою готовностью откликнулись поэтому и всѣ правительства на предложеніе ея созвать конференцію, увѣнчанную именемъ «конференціи мира».

Двадцать шесть государствъ прислали на нее своихъ представителей, и 6—18 мая состоялось первое торжественное засѣданіе ея въ ставшемъ съ этихъ поръ знаменитымъ „Лѣсномъ Дворцѣ“ около Гааги. Предсѣдателемъ конференціи былъ, какъ и на брюссельской конференціи, избранъ первый русскій уполномоченный—г. Стааль, который въ первой же рѣчи своей обрисовалъ въ общихъ чертахъ программу предстоящихъ ея занятій, руководящимъ началомъ которыхъ и лучшимъ залогомъ успѣшности должна была служить твердая рѣшимость „оставаться на почвѣ дѣйствительности и изучать ее во всей ея глубинѣ для того, чтобы дать новому дѣлу твердыя и прочныя основанія“.

Въ кругъ занятій первой комиссіи, подъ предсѣдательствомъ бельгійскаго уполномоченнаго г. Беернерта, должны были войти вопросы о увеличеніи вооруженій и о воспрещеніи пользованія новоизобрѣтаемыми снарядами. Второй комиссіи, подъ предсѣдательствомъ русскаго уполномоченнаго г. Мартенса, была поручена разработка

вопроса, непосредственно близко насъ теперь интересующаго,—о законахъ и обычаяхъ войны. И наконецъ, третья коммиссія, подъ предсѣдательствомъ французскаго уполномоченнаго г. Буржуа, должна была заняться разработкою вопроса о мирныхъ средствахъ разрѣшенія международныхъ столкновений—о добрыхъ услугахъ, посредничествѣ и третейскомъ судѣ.

Нелегкія задачи лежали на конференціи, но—надо отдать ей справедливость—она сумѣла выйти изъ круга этихъ задачъ съ такой честью, которая навсегда обезпечила ей благодарную память въ потомствѣ. Вѣрная своей основной задачѣ оставаться всецѣло на почвѣ реальныхъ требованій дѣйствительной жизни, конференція строго подраздѣлила плоды своихъ трудовъ на отдѣльные виды актовъ, самый характеръ которыхъ наглядно указываетъ на степень близости отношенія ихъ къ современному положенію вещей.

Относительно вопроса о неувеличеніи вооруженій конференція, придя къ заключенію о несвоевременности этой мѣры, ограничилась лишь выраженіемъ своего, во всякомъ случаѣ, высокоавторитетнаго мнѣнія въ томъ смыслѣ, что „ограниченіе военныхъ издержекъ, тяготѣющихъ надъ міромъ, весьма желательно въ интересахъ увеличенія матеріальнаго благосостоянія человѣчества и поднятія его нравственнаго уровня“.

Что же касается вопросовъ, вполнѣ назрѣвшихъ уже для ихъ разрѣшенія и намѣченныхъ для этого въ циркулярѣ графа Муравьева, то при разрѣшеніи ихъ конференція, какъ и слѣдовало ожидать, оказалась вполнѣ на высотѣ своей задачи и выработала три конвенціи: о мирномъ разрѣшеніи международныхъ столкновеній; о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны, и наконецъ о примѣненіи къ морской войнѣ началъ Женевской конвенціи 1864 года. Кромѣ того, конференція выработала еще три деклараціи, касающіяся запрещенія метанія взрывчатыхъ веществъ съ воздушныхъ шаровъ и другими подобными способами, запрещенія употребленія взрывчатыхъ веществъ, имѣющихъ цѣлью распространеніе удушающихъ газовъ, и запрещенія употребленія пуль, расплюсчивающихся въ человѣческомъ тѣлѣ.

И наконецъ, конференція сочла еще своимъ долгомъ и правомъ высказать нѣсколько пожеланій (vœux) относительно такихъ вопросовъ международнаго права и общенія, въ необходимости разрѣшенія которыхъ она была убѣждена, но относительно которыхъ она была бессильна по тѣмъ или инымъ причинамъ постановить какое-нибудь рѣшеніе. Пожеланія эти касаются слѣдующихъ вопросовъ; во первыхъ, о необходимости скорѣйшаго пересмотра Женевской конвенціи 1864 года; во вторыхъ, о томъ, чтобы вопросъ о

правъ нейтралитета, не намѣченный на этотъ разъ въ числѣ вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію конференціи, явился бы предметомъ разсмотрѣнія на ближайшей международной конференціи; въ третьихъ, о желательности изученія вопроса о морскихъ орудіяхъ самими правительствами съ цѣлью облегчить соглашеніе относительно ограниченія пользованія новыми ихъ типами; въ четвертыхъ, о желательности подробнаго и всесторонняго изученія правительствами вопроса объ ограниченіи вооруженій; въ пятыхъ и въ шестыхъ, о желательности помѣщенія въ программу будущей конференціи вопросовъ о признаніи принципа неприкосновенности частной собственности на морѣ и объ урегулированіи вопроса о бомбардированіи портовъ и городовъ вооруженными морскими силами.

Ближайшимъ образомъ интересующая насъ конвенція о правѣ войны раздѣляется на четыре главныхъ отдѣла, изъ которыхъ первый, озаглавленный „О воюющихъ“, касается вопросовъ о признаніи правъ комбаттанта, о положеніи военноплѣнныхъ и о больныхъ и раненыхъ. Второй отдѣлъ, касающійся самыхъ средствъ веденія войны и озаглавленный „О военныхъ дѣйствіяхъ“, дѣлится въ свою очередь на пять главныхъ частей: 1) „О средствахъ нанесенія вреда непріятелю, объ осадѣ и бомбардировкѣ“; 2) „О лазутчикахъ“;

3) „О парламентаряхъ“; 4) „О капитуляціяхъ“ и 5) „О перемиріи“. Третій отдѣлъ касается вопроса о военной оккупаціи и озаглавленъ „О военной власти на территоріи непріятельскаго государства“; и наконецъ 4-ый—„О воюющихъ, водворенныхъ въ нейтральномъ государствѣ, и о раненыхъ, находящихся у него на излѣченіи“.

За исключеніемъ послѣдняго, 4-го отдѣла, касающагося собственно права нейтралитета и отнесеннаго поэтому Второю Гаагскою Конференціею къ принятой на ней новой конвенціи о правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ Державъ, во всемъ прочемъ конвенція о правѣ войны, или, какъ она официально именуется, „Конвенція о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны“, оставлена была безъ измѣненій Второю Конференціею, и должна, такимъ образомъ, считаться выраженіемъ общепризнанныхъ современнымъ культурнымъ человѣчествомъ правилъ веденія войны.

Сущность этихъ правилъ можетъ быть легко постигнута хотя бы даже и изъ самаго бѣглаго обзора конвенціи. Въ первой ея части „О воюющихъ“ находитъ себѣ отраженіе, прежде всего, то основное начало современнаго права войны, что непосредственному дѣйствію войны нынѣ не подлежитъ болѣе мирное населеніе, какъ то было въ прежнее время, а только лица, принадлежащія къ составу вооруженныхъ силъ враждебныхъ госу-

дарствъ; что касается мирнаго населенія, беру-щагося за оружіе для защиты отъ непріятеля, то устанавливается обязанность послѣдняго также и въ этомъ случаѣ соблюдать законы и обы-чай войны по отношенію къ образуемымъ та-кимъ порядкомъ добровольческимъ отрядамъ, при условіи выполненія ими, съ другой стороны, извѣстныхъ требованій, которыми долженъ обез-печиваться открытый характеръ ихъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ (подчиненіе ихъ отвѣтствен-ному лицу, ношеніе опредѣленнаго отличительнаго знака, открытое ношеніе оружія, соблюденіе зако-новъ и обычаевъ войны). Постановленіе это имѣеть цѣлью упорядочить вопросъ объ участіи въ воен-ныхъ дѣйствіяхъ мирнаго населенія, давая послѣд-нему законную къ тому возможность и обеспечи-вая, вмѣстѣ съ тѣмъ, воюющаго отъ опасностей беспорядочной борьбы съ мѣстнымъ населеніемъ. Далѣе (глава II.—„О военноплѣнныхъ“) слѣ-дуютъ постановленія, касающіяся военнаго плѣна; въ нихъ также закрѣплено современное пред-ставленіе о плѣнѣ, какъ о временномъ, на время войны, лишеніи свободы, вполнѣ проти-воположное старинной практикѣ, при которой не только свобода; но и самая жизнь плѣннаго считалась достояніемъ побѣдителя; плѣннымъ обеспечивается человѣколюбивое съ ними обра-щеніе и приличное содержаніе, при чемъ особое

вниманіе обращено на предоставленіе имъ возможности не утрачивать вполне во время плѣна связи со своимъ отечествомъ и съ близкими людьми, при посредствѣ учреждаемыхъ съ этою цѣлью особыхъ справочныхъ бюро о военноплѣнныхъ. Третья глава, касающаяся положенія больныхъ и раненыхъ на войнѣ, заключаетъ въ себѣ упоминаніе о дѣйствіи въ этомъ отношеніи Женевской конвенціи, подвергшейся въ 1906 году подробному пересмотру, съ полнымъ сохраненіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ основного начала о виѣбойственности какъ самихъ больныхъ и раненыхъ на войнѣ, такъ и лицъ и учреждений, предназначенныхъ для оказанія имъ помощи.

Второй отдѣлъ — „О военныхъ дѣйствіяхъ“ — заключаетъ въ себѣ, главнымъ образомъ, правила, касающіяся средствъ нанесенія вреда непріятелю, (глава I), въ отношеніи которыхъ является въ настоящее время господствующимъ начало недопустимости средствъ вѣроломныхъ или ненужно жестокихъ, т. е. идущихъ дальше цѣли борьбы — приведенія противника въ состояніе невозможности оказывать дальнѣйшее противодѣйствіе; здѣсь же нашли себѣ выраженіе (главы II, III, IV и V) также и постановленія, касающіяся обязательнаго суда для лазутчиковъ, неприкосновенности парламентаровъ, соблюденія капитуляцій и условій соблюденія и нарушенія перемирій.

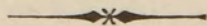
Послѣдній, III-й отдѣлъ— „О военной власти на территоріи непріятельскаго государства“ — содержитъ въ себѣ постановленія, касающіяся военной оккупациі, или временнаго занятія непріятельской страны. Въ основу ихъ положено общепризнанное нынѣ начало именно „временнаго“ характера подобной оккупациі, при которомъ остаются въ неприкосновенности не только права частныхъ лицъ, мирнаго населенія, но также и, по возможности, и весь порядокъ мѣстной общественной жизни.

Послѣ Второй Гаагской Конференціи право войны успѣло сдѣлать еще одинъ значительный шагъ впередъ и при томъ въ такой области, которая, при общемъ оживленіи международноправовой кодификаціонной дѣятельности за послѣднее время, считалась однако менѣе всего поддающеюся какой-либо кодификаціи, а именно въ области морской войны, гдѣ противоположность интересовъ воюющихъ съ одной стороны, и нейтральныхъ — съ другой, исключала, по общему убѣжденію, всякую возможность твердаго установленія опредѣленныхъ, общихъ для всѣхъ правилъ по нѣкоторымъ спорнымъ вопросамъ. Созванная въ 1908 году въ Лондонѣ Конференція по военно-морскому праву доказала неправильность подобнаго убѣжденія для настоящаго времени, давши въ составленной ею особой Декларациі цѣлый рядъ постановленій по такимъ наиболѣе спорнымъ предметамъ права

морской войны, какъ вопросы о контрабандѣ, о блокадѣ и т. д.

Этотъ новый успѣхъ доброй воли и здраваго смысла, выразившійся въ Лондонской деклараціи 1908 г., какъ нельзя болѣе подтвердилъ мысль, выраженную на Первой Гаагской Конференціи устами одного изъ русскихъ уполномоченныхъ: „Зерно брошено на добрую почву; разумъ человѣчества пробужденъ; онъ уже началъ свою работу, брошенное зерно уже даетъ ростки и принесетъ конечно въ будущемъ самыя лучшія плоды“.

Въ этой работѣ—вѣрный залогъ успѣха. Не въ утопическихъ проектахъ вѣчнаго мира, не въ несбыточныхъ въ наше время фантазіяхъ о полномъ уничтоженіи войны, а въ разумномъ, трезвомъ регулированіи этого исключительнаго въ жизни человѣчества явленія кроется истинный путь къ постепенному ограниченію сопряженныхъ съ нимъ страданій и бѣдствій.

Гаагская конвенція 5 (18) Октября 1907 г.
о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны.

Его Величество Императоръ Германскій, Король Прусскій; Президентъ Американскихъ С. Штатовъ; Президентъ Республики Аргентинской; Его Величество Императоръ Австрійскій, Король Богемскій и проч., и Апостолическій Король Венгерскій; Его Величество Король Бельгійцевъ; Президентъ Республики Боливійской; Президентъ Республики Бразильскихъ С. Штатовъ; Его Королевское Высочество Князь Болгарскій; Президентъ Республики Чилійской; Президентъ Республики Колумбіи; Временный Правитель Республики Кубы; Его Величество Король Датскій; Президентъ Республики Доминиканской; Президентъ Республики Эквадоръ; Его Величество Король Испанскій; Президентъ Французской Республики; Его Величество Король Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи и британскихъ владѣній за морями, Императоръ Индіи; Его Величество Король Эллиновъ;

Президентъ Республики Гватемалы; Президентъ Республики Гаити; Его Величество Король Итальянскій; Его Величество Императоръ Японскій; Его Королевское Высочество Великій Герцогъ Люксембургскій, Герцогъ Нассаускій; Президентъ Мексиканскихъ С. Штатовъ; Его Королевское Высочество Князь Черногорскій; Его Величество Король Норвежскій; Президентъ Республики Панамской; Президентъ Республики Парагвайской; Ея Величество Королева Нидерландовъ; Президентъ Республики Перу; Его Императорское Величество Шахъ Персидскій; Его Величество Король Португальскій и Альгарвовъ, и проч.; Его Величество Король Румынскій; Его Величество Императоръ Всероссійскій; Президентъ Республики Сальвадоръ; Его Величество Король Сербскій; Его Величество Король Сіамскій; Его Величество Король Шведскій; Союзный Совѣтъ Швейцарскій; Его Величество Императоръ Оттомановъ; Президентъ Восточной Республики Уругвайской; Президентъ Венецуэльскихъ С. Штатовъ.

Принимая во вниманіе, что, на ряду съ изысканіемъ средствъ къ сохраненію мира и предупрежденію вооруженныхъ столкновеній между народами, надлежитъ равнымъ образомъ имѣть въ виду и тотъ случай, когда придется прибѣгнуть къ оружію въ силу событій, устраненіе которыхъ, при всемъ стараніи, оказалось бы невозможнымъ;

Желая и въ этомъ крайнемъ случаѣ служить дѣлу челоѵколюбія и сообразоваться съ постоянно развивающимися требованіями цивилизаціи;

Признавая, что для сего надлежитъ подвергнуть пересмотру общіе законы и обычаи войны, какъ съ цѣлью болѣе точнаго ихъ опредѣленія, такъ и для того, чтобы ввести въ нихъ извѣстныя ограниченія, которыя, насколько возможно, смягчили бы ихъ суровость;

Признали необходимымъ восполнить и, по нѣкоторымъ пунктамъ, сдѣлать болѣе точными труды Первой Конференціи Мира, которая, одушевляясь, по примѣру Брюссельской Конференціи 1874 года, этими началами мудрой и великодушной предусмотрительности, приняла постановленія, имѣющія предметомъ опредѣлить и установить обычаи сухопутной войны.

Постановленія эти, внушенныя желаніемъ уменьшить бѣдствія войны, насколько позволятъ военныя требованія, предназначаются, согласно видамъ Высокихъ Договаривающихся Сторонъ, служить общимъ руководствомъ для поведенія воюющихъ въ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу и къ населенію.

Въ настоящее время оказалось однако невозможнымъ придти къ соглашенію относительно постановленій, которыя обнимали бы всѣ возникающіе на дѣлѣ случаи;

Съ другой стороны, въ намѣренія Высокихъ До-

говаривающихся Державъ не могло входить, чтобы непредвидѣнные случаи, за отсутствіемъ письменныхъ постановленій, были предоставлены на произвольное усмотрѣніе военначальствующихъ.

Впредь до того времени, когда представится возможность издать болѣе полный сводъ законовъ войны, Высокія Договаривающіяся Стороны считаютъ умѣстнымъ засвидѣтельствовать, что въ случаяхъ, не предусмотрѣнныхъ принятыми ими постановленіями, населеніе и воюющіе остаются подъ охраною и дѣйствіемъ началъ междунагоднаго права, поскольку они вытекаютъ изъ установившихся между образованными народами обычаевъ, изъ законовъ челоуѣчности и требованій общественнаго сознанія.

Онѣ объявляютъ, что именно въ такомъ смыслѣ должны быть понимаемы въ частности ст. 1 и 2 принятаго ими Положенія.

Высокія Договаривающіяся Стороны, желая заключить для сего конвенцію, назначили своими уполномоченными:

(перечень уполномоченныхъ).

Каковыя по представленіи своихъ полномочій, признанныхъ составленными въ надлежащей и законной формѣ, согласились о нижеслѣдующемъ:

Статья I. Договаривающіяся Державы дадутъ своимъ сухопутнымъ войскамъ наказъ, согласный съ приложеннымъ къ настоящей конвенціи Положеніемъ о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны.

Статья II. Постановленія упомянутого въ ст. I Положенія, а равно настоящей конвенціи, обязательны лишь для договаривающихся Державъ и только въ случаѣ, если всѣ воюющіе участвуютъ въ конвенціи.

Статья III. Воюющая Сторона, которая нарушитъ постановленія сказаннаго Положенія, должна будетъ возмѣстить убытки, если къ тому есть основаніе. Она будетъ отвѣтственна за всѣ дѣйствія, совершенныя лицами, входящими въ составъ ея военныхъ силъ.

Статья IV. Настоящая конвенція, надлежащимъ образомъ ратификованная, замѣнитъ въ отношеніяхъ между договаривающимися Державами конвенцію 29 іюля 1899 года о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны.

Конвенція 1899 года остается въ силѣ въ отношеніяхъ между Державами, которыя ее подписали и которыя не ратификують равнымъ образомъ и настоящей конвенціи.

Статья V. Настоящая конвенція будетъ ратификована въ возможно скоромъ времени.

Ратификаціи будутъ сданы на храненіе въ Гаагу.

О первой сдачѣ на храненіе ратификацій составляется протоколъ, подписываемый Представителями Державъ, которыя въ этомъ участвуютъ, и Нидерландскимъ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ.

Послѣдующія сдачи на храненіе ратификацій

совершаются посредствомъ письменныхъ оповѣщеній, направляемыхъ Нидерландскому Правительству и сопровождаемыхъ актами ратификаціи.

Засвидѣтельствованная копія съ протокола о первой сдачѣ на храненіе ратификацій, съ оповѣщеній, помянутыхъ въ предшествующей части статьи, а равно съ актовъ ратификаціи, немедленно передается, при посредствѣ Нидерландскаго Министра Иностранныхъ Дѣлъ и дипломатическимъ путемъ, Державамъ, приглашеннымъ на Вторую Конференцію Мира, а равно другимъ Державамъ, присоединившимся къ конвенціи. Въ случаяхъ, указанныхъ въ предшествующей части статьи, сказанное Правительство сообщаетъ имъ въ то же время день, въ который оно получило оповѣщеніе.

Статья VI. Державамъ, настоящую конвенцію не подписавшимъ, предоставляется присоединиться къ ней.

Держава, которая желаетъ присоединиться, письменно извѣщаетъ о своемъ намѣреніи Нидерландское Правительство, передавая ему актъ присоединенія, который будетъ храниться въ архивѣ сказаннаго Правительства.

Это Правительство немедленно передаетъ всѣмъ другимъ Державамъ, приглашеннымъ на Вторую Конференцію Мира, засвидѣтельствованную копію оповѣщенія, а равно акта присоединенія, указывая день, когда оно получило оповѣщеніе.

Статья VII. Настоящая конвенція вступить въ силу въ отношеніи Державъ, участвовавшихъ въ первой сдачѣ на храненіе ратификацій, шестьдесятъ дней спустя послѣ дня протокола этой сдачи, а въ отношеніи Державъ, которыя ратификують позднѣе или присоединятся, шестьдесятъ дней послѣ того, какъ оповѣщеніе о ихъ ратификаціи или о ихъ присоединеніи будетъ получено Нидерландскимъ Правительствомъ.

Статья VIII. Въ случаѣ, если бы одна изъ договаривающихся Державъ пожелала отказаться отъ настоящей конвенціи, объ этомъ отказѣ письменно оповѣщается Нидерландское Правительство, которое немедленно сообщаетъ засвидѣтельствованную копію оповѣщенія всѣмъ другимъ Державамъ, уведомляя ихъ о днѣ, когда оно его получило.

Этотъ отказъ будетъ дѣйствительнымъ лишь въ отношеніи Державы, сдѣлавшей о немъ оповѣщеніе, и лишь годъ спустя послѣ того, какъ оповѣщеніе было получено Нидерландскимъ Правительствомъ.

Статья IX. Списокъ, составляемый въ Нидерландскомъ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, будетъ заключать указаніе дня сдачи на храненіе ратификацій, произведенной согласно статьѣ 5, части 3 и 4, а равно дней, въ которые будутъ получены оповѣщенія о присоединеніи (статья 6, часть 2) и объ отказѣ (статья 8, часть 1).

Каждая договаривающаяся Держава можетъ зна-

комиться съ этимъ спискомъ и просить о выдачѣ засвидѣтельствованныхъ копій.

Въ удостовѣреніе сего, уполномоченные подписали настоящую конвенцію.

Учинено въ Гаагѣ, восемнадцатаго октября тысяча девятьсотъ седьмого года, въ одномъ экземпляръ, который будетъ храниться въ архивѣ Нидерландскаго Правительства и засвидѣтельствованныя копіи коего будутъ сообщены дипломатическимъ путемъ Державамъ, приглашеннымъ на Вторую Конференцію Мира.

Приложеніе къ конвенціи.

**Положеніе о законахъ и обычаяхъ
сухопутной войны.**

Отдѣлъ I.

О воюющихъ.

Глава I.

О томъ, кто признается воюющимъ.

Статья I. Военные законы, права и обязанности примѣняются не только къ арміи, но также къ ополченію и добровольческимъ отрядамъ, если они удовлетворяютъ всѣмъ нижеслѣдующимъ условіямъ:

1) имѣютъ во главѣ лицо, отвѣтственное за своихъ подчиненныхъ;

2) имѣютъ опредѣленный и явственно видимый издали отличительный знакъ;

3) открыто носятъ оружіе, и

4) соблюдаютъ въ своихъ дѣйствіяхъ законы и обычаи войны.

Ополченіе или добровольческіе отряды въ тѣхъ странахъ, гдѣ они составляютъ армію или входятъ въ ея составъ, понимаются подъ наименованіемъ арміи.

Статья II. Населеніе незанятой территоріи, которое при приближеніи непріятели добровольно возьметса за оружіе для борьбы съ вторгающимися войсками и которое не имѣло времени устроиться согласно статьѣ I, будетъ признаваться въ качествѣ воюющаго, если будетъ открыто носить оружіе и будетъ соблюдать законы и обычаи войны.

Статья III. Вооруженныя силы воюющихъ сторонъ могутъ состоять изъ сражающихся и несражающихся. Въ случаѣ захвата непріателемъ какъ тѣ, такъ и другіе пользуются правами военноплѣнныхъ.

Г л а в а II.

О военноплѣнныхъ.

Статья IV. Военноплѣнные находятся во власти непріятельскаго Правительства, а не отдѣльныхъ лицъ или отрядовъ, взявшихъ ихъ въ плѣнъ.

Съ ними надлежитъ обращаться челоуѣколюбиво.

Все, что принадлежитъ имъ лично, за исключеніемъ оружія, лошадей и военныхъ бумагъ, остается ихъ собственностью.

Статья V. Военноплѣнные могутъ быть подвергнуты водворенію въ городъ, крѣпости, лагерь или какомъ-либо другомъ мѣстѣ, съ обязательствомъ не удаляться за извѣстныя опредѣленныя границы; но собственно заключеніе можетъ быть примѣнено къ нимъ лишь какъ необходимая мѣра безопасности и исключительно пока существуютъ обстоятельства, вызывающія эту мѣру.

Статья VI. Государство можетъ привлекать военноплѣнныхъ къ работамъ, сообразно съ ихъ чиномъ и способностями, за исключеніемъ офицеровъ. Работы эти не должны быть слишкомъ обременительными и не должны имѣть никакого отношенія къ военнымъ дѣйствіямъ.

Военноплѣннымъ можетъ быть разрѣшено работать на государственныя установленія, за счетъ частныхъ лицъ или лично отъ себя.

Работы, производимыя для Государства, оплачиваются по расчету цѣнъ, существующему для чиновъ мѣстной арміи за исполненіе тѣхъ же работъ, а, если такого расчета нѣтъ, то по цѣнамъ, соотвѣтственнымъ произведеннымъ работамъ.

Если работы производятся на государственныя

установленія или за счетъ частныхъ лицъ, то условія ихъ опредѣляются по соглашенію съ военною властью.

Заработокъ плѣнныхъ назначается на улучшение ихъ положенія, а остатокъ выдается имъ при освобожденіи, за вычетомъ расходовъ по ихъ содержанію.

Статья VII. Содержаніе военноплѣнныхъ возлагается на Правительство, во власти котораго они находятся.

Если между воюющими не заключено особаго соглашенія, то военноплѣнные пользуются такой же пищей, помѣщеніемъ и одеждой, какъ войска Правительства, взявшаго ихъ въ плѣнъ.

Статья VIII. Военноплѣнные подчиняются законамъ, уставамъ и распоряженіямъ, дѣйствующимъ въ арміи Государства, во власти коего они находятся. Всякое неповиновеніе съ ихъ стороны даетъ право на примѣненіе къ нимъ необходимыхъ мѣръ строгости.

Лица, бѣжавшія изъ плѣна и задержанныя ранѣе, чѣмъ покинутъ территорію, занятую арміей, взявшей ихъ въ плѣнъ, подлежатъ дисциплинарнымъ взысканіямъ.

Военноплѣнные, удачно совершившіе побѣгъ и вновь взятые въ плѣнъ, не подлежатъ никакому взысканію за свой прежній побѣгъ.

Статья IX. Каждый военноплѣнный обязанъ,

на поставленный ему вопросъ, объявить свое настоящее имя и чинъ, и въ случаѣ нарушенія этого правила онъ подвергается ограниченію тѣхъ преимуществъ, которыя предоставлены военноплѣннымъ его разряда.

Статья X. Военноплѣнные могутъ быть освобождены на честное слово, если это разрѣшается законами ихъ страны, и въ такомъ случаѣ обязаны, съ ручательствомъ личною своею честью, добросовѣстно исполнить принятыя ими на себя обязательства, какъ въ отношеніи собственнаго Правительства, такъ и Правительства, взявшаго ихъ въ плѣнъ.

Въ этомъ случаѣ ихъ собственное Правительство обязывается ни требовать, ни принимать отъ нихъ никакихъ услугъ, противныхъ данному ими слову.

Статья XI. Военноплѣнный не можетъ быть принуждаемъ къ освобожденію на честное слово; равно и непріятельское Правительство не обязано давать согласіе на просьбу плѣннаго объ освобожденіи его на честное слово.

Статья XII. Каждый военноплѣнный, отпущенный на честное слово, и затѣмъ вновь взятый въ дѣйствія съ оружіемъ въ рукахъ противъ того Правительства, передъ коимъ онъ обязался честью, или противъ союзниковъ послѣдняго, теряетъ права, предоставленныя военноплѣннымъ, и можетъ быть преданъ суду.

Статья XIII. Лица, сопровождающія армію, но не принадлежащія собственно къ ея составу, какъ-то газетные корреспонденты и репортеры, маркитанты, поставщики, въ томъ случаѣ, когда будутъ захвачены непріателемъ и когда послѣдній сочтетъ полезнымъ задержать ихъ, пользуются правами военноплѣнныхъ, если только имѣютъ удостовѣреніе отъ военной власти той арміи, которую они сопровождали.

Статья XIV. Съ открытія военныхъ дѣйствій въ каждомъ изъ воюющихъ Государствъ, а также и въ нейтральныхъ Государствахъ, въ томъ случаѣ, если они приняли на свою территорію воюющихъ, учреждается справочное бюро о военноплѣнныхъ. Бюро это, имѣющее назначеніемъ давать отвѣты на всѣ запросы, касающіеся военноплѣнныхъ, получаетъ отъ различныхъ подлежащихъ учреждений всѣ свѣдѣнія относительно водворенія и перемѣщенія, освобожденія на честное слово, обмѣна, побѣговъ, поступленія въ госпиталь, смерти, а равно и другія свѣдѣнія, требуемая для составленія и своевременнаго исправленія именной карточки о каждомъ военноплѣнномъ. Бюро обязано заносить на нее номеръ, имя и фамилію, возрастъ, мѣсто происхожденія, чинъ, войсковую часть, день и мѣсто взятія въ плѣнъ, водворенія, полученія ранъ и смерти, а равно всѣ особыя замѣчанія. Именная карточка передается Правительству другого воюющаго послѣ заключенія мира.

Справочное бюро обязано равнымъ образомъ собирать и хранить въ одномъ мѣстѣ, а также пересылать по принадлежности всѣ вещи, служащія для личнаго пользованія, цѣнности, письма и проч., которыя будутъ найдены на полѣ битвы или останутся послѣ плѣнныхъ, освобожденныхъ на честное слово, обмѣненныхъ, бѣжавшихъ или умершихъ въ госпиталяхъ и полевыхъ лазаретахъ.

Статья XV. Общества для оказанія помощи военноплѣннымъ, надлежаще учрежденныя по законамъ ихъ страны, и имѣющія задачей быть посредниками въ дѣлахъ благотворенія, а также и ихъ законно уполномоченные агенты, для наиболѣе успѣшнаго выполненія своей человѣколюбивой дѣятельности, будутъ пользоваться всѣми облегченіями со стороны воюющихъ, въ предѣлахъ, обусловленныхъ военными требованіями и административными порядками. Уполномоченные этихъ обществъ допускаются для раздачи пособій въ мѣста водворенія плѣнныхъ, равно какъ и на пункты остановокъ военноплѣнныхъ, возвращаемыхъ на родину, подъ условіемъ предъявленія именного разрѣшенія, выданнаго военною властью, и дачи письменнаго обязательства подчиняться всѣмъ ея распоряженіямъ, касающимся порядка и безопасности.

Статья XVI. Справочныя бюро освобождаются отъ уплаты вѣсового сбора. Письма, переводы, денежные суммы, равно какъ и почтовые

посылки, адресуемая военноплѣннымъ или ими отправляемая, освобождаются отъ всѣхъ почтовыхъ сборовъ, какъ въ странахъ отправленія и назначенія, такъ и въ промежуточныхъ странахъ.

Пожертвованія и вспомошествованія вещами, посылаемые для военноплѣнныхъ, освобождаются отъ всѣхъ таможенныхъ и другихъ сборовъ, равно какъ отъ провозной платы по желѣзнымъ дорогамъ, состоящимъ въ казенномъ управленіи.

Статья XVII. Военноплѣнные офицеры получаютъ окладъ, на который имѣютъ право офицеры того же ранга страны, гдѣ они задержаны, подъ условіемъ возмѣщенія такого расхода ихъ Правительствомъ.

Статья XVIII. Военноплѣннымъ предоставляется полная свобода отправленія религіозныхъ обрядовъ, не исключая и присутствія на церковныхъ, по ихъ обрядамъ, богослуженіяхъ, подъ единственнымъ условіемъ соблюденія предписанныхъ военною властью мѣръ порядка и безопасности.

Статья XIX. Духовныя завѣщанія военноплѣнныхъ принимаются на храненіе и составляются на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и завѣщанія военнослужащихъ мѣстной арміи.

Тѣ же правила соблюдаются относительно свидѣтельствъ о смерти, равно какъ и относительно погребенія военноплѣнныхъ, при чемъ принимаются во вниманіе ихъ чинъ и званіе.

Статья XX. По заключеніи мира, отсылка военноплѣнныхъ на родину должна быть произведена въ возможно близкій срокъ.

ГЛАВА III.

О больныхъ и раненыхъ.

Статья XXI. Обязанности воюющихъ Сторонъ, относящіяся къ уходу за больными и ранеными, опредѣляются Женевскою конвенціею.

ОТДѢЛЪ II.

О военныхъ дѣйствіяхъ.

ГЛАВА I.

О средствахъ нанесенія вреда непріятелю, объ осадахъ и бомбардировкахъ.

Статья XXII. Воюющіе не пользуются неограниченнымъ правомъ въ выборѣ средствъ нанесенія вреда непріятелю.

Статья XXIII. Кромѣ ограниченій, установленныхъ особыми соглашениями, воспрещается:

- а) употреблять ядъ или отравленное оружіе;
- б) предательски убивать или ранить лицъ, принадлежащихъ къ населенію или войскамъ непріятеля;
- в) убивать или ранить непріятеля, который, положивъ оружіе или не имѣя болѣе средствъ защищаться, безусловно сдался;

- г) объявлять, что никому не будет дано пощады;
- д) употреблять оружие, снаряды или вещества, способныя причинить излишнія страданія;
- е) незаконно пользоваться парламентарскимъ или національнымъ флагомъ, военными знаками и форменной одеждой непріятеля, равно какъ и отличительными знаками, установленными Женевскою конвенціею;
- ж) истреблять или захватывать непріятельскую собственность, кромѣ случаевъ, когда подобное истребленіе или захватъ настоятельно вызывается военною необходимостью;
- з) объявлять потерявшими силу, пріостановленными или лишенными судебной защиты права и требованія подданныхъ противной стороны.

Равнымъ образомъ воюющему запрещено принуждать подданныхъ противной стороны принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, направленныхъ противъ ихъ страны даже въ томъ случаѣ, если они были на его службѣ до начала войны.

Статья XXIV. Военныя хитрости и употребленіе способовъ, необходимыхъ къ полученію свѣдѣній о непріятелѣ и о мѣстности, признаются дозволенными.

Статья XXV. Воспрещается атаковать или бомбардировать какимъ бы то ни было способомъ незащищенные города, селенія, жилища или строенія.

Статья XXVI. Начальникъ нападающихъ войскъ ранѣе чѣмъ приступить къ бомбардированію, за исключеніемъ случаевъ атаки открытою силою, долженъ сдѣлать все отъ него зависящее для предупрежденія о семь властей.

Статья XXVII. При осадахъ и бомбардировкахъ должны быть приняты всѣ необходимыя мѣры къ тому, чтобы щадить, насколько возможно, храмы, зданія, служащія цѣлямъ науки, искусствъ и благотворительности, историческіе памятники, госпитали и мѣста, гдѣ собраны больные и раненые, подъ условіемъ, чтобы таковыя зданія и мѣста не служили одновременно военнымъ цѣлямъ.

Осаждаемые обязаны обозначить эти зданія и мѣста особыми видимыми знаками, о которыхъ осаждающіе должны быть заранѣе поставлены въ извѣстность.

Статья XXVIII. Воспрещается отдавать на разграбленіе городъ или мѣстность, даже взятые приступомъ.

Г л а в а II.

О лазутчикахъ.

Статья XXIX. Лазутчикомъ можетъ быть признаваемо только такое лицо, которое, дѣйствуя тайнымъ образомъ или подъ ложными предлогами, собираетъ или старается собрать свѣдѣнія въ

районъ дѣйствій одного изъ воюющихъ съ намѣреніемъ сообщить таковыя противной сторонѣ.

Такъ не считаются лазутчиками военные чины, которые въ формѣ проникнуть для собиранія свѣдѣній въ районъ дѣйствій непріятельской арміи. Равно не считаются лазутчиками тѣ военного и не военного званія лица, открыто исполняющія свои обязанности, которымъ поручена передача депешъ по назначенію въ ихъ собственную, либо въ непріятельскую армію. Къ этому же разряду принадлежатъ и лица, посылаемые на воздушныхъ шарахъ для передачи депешъ или вообще для поддержанія сообщеній между различными частями арміи или территоріи.

Статья XXX. Лазутчикъ, пойманный на мѣстѣ, не можетъ быть наказанъ безъ предварительнаго суда.

Статья XXXI. Лазутчикъ, возвратившійся въ свою армію и впослѣдствіи взятый непріателемъ, признается военноплѣннымъ и не подлежитъ никакой отвѣтственности за свои прежнія дѣйствія, какъ лазутчикъ.

Г л а в а III.

О парламентаряхъ.

Статья XXXII. Парламентаремъ считается лицо, уполномоченное одною изъ воюющихъ сторонъ всту-

пить въ переговоры съ другою и являющееся съ бѣлымъ флагомъ. Какъ самъ парламентаръ, такъ и сопровождающіе его трубачъ, горнистъ или барабанщикъ, лицо, несущее флагъ, и переводчикъ пользуются правомъ неприкосновенности.

Статья XXXIII. Начальникъ войскъ, къ которому посланъ парламентаръ, не обязанъ принять его при всякихъ обстоятельствахъ.

Онъ можетъ принять всѣ необходимыя мѣры, дабы воспрепятствовать парламентару воспользоваться возложеннымъ на него порученіемъ для собиранія свѣдѣній.

Онъ имѣетъ право, въ случаѣ злоупотребленій со стороны парламентаря, временно его задержать.

Статья XXXIV. Парламентаръ теряетъ право на неприкосновенность, если будетъ положительнымъ и несомнѣннымъ образомъ доказано, что онъ воспользовался своимъ привилегированнымъ положеніемъ для подговора къ измѣнѣ или для ея совершенія.

ГЛАВА IV.

О капитуляціяхъ.

Статья XXXV. При заключеніи между договаривающимися сторонами капитуляцій должны быть принимаемы во вниманіе правила воинской чести.

Заключенныя капитуляціи должны быть въ точности соблюдаемы обѣими сторонами.

ГЛАВА V.

О перемиріи.

Статья XXXVI. Перемиріе приостанавливаетъ военныя дѣйствія по взаимному соглашенію воюющихъ сторонъ. Если срокъ перемирія не былъ установленъ, то воюющіе могутъ во всякое время возобновить военныя дѣйствія, съ тѣмъ, однако, чтобы непріятель былъ предупрежденъ объ этомъ заблаговременно, согласно условіямъ перемирія.

Статья XXXVII. Перемиріе можетъ быть общимъ или мѣстнымъ. Первое приостанавливаетъ повсюду военныя дѣйствія между воюющими Государствами; второе—только между извѣстными частями воюющихъ армій и на опредѣленномъ пространствѣ.

Статья XXXVIII. Подлежащія власти и войска должны быть официальнымъ образомъ и своевременно извѣщены о перемирії. Военныя дѣйствія приостанавливаются или немедленно по объявленіи перемирія, или же въ условленный срокъ.

Статья XXXIX. Отъ договаривающихся сторонъ зависитъ опредѣлить въ условіяхъ перемирія, какія отношенія къ населенію и между сторонами могутъ имѣть мѣсто на театрѣ войны.

Статья XL. Всякое существенное нарушеніе перемирія одною изъ сторонъ даетъ право другой

отказаться отъ него и даже въ крайнемъ случаѣ немедленно возобновить военныя дѣйствія.

Статья ХLI. Нарушеніе условій перемирія отдѣльными лицами, дѣйствующими по собственному почину, даетъ только право требовать наказанія виновныхъ и вознагражденія за понесенныя потери, если бы таковыя случились.

Отдѣлъ III.

О военной власти на территоріи непріятельскаго государства.

Статья ХLII. Территорія признается занятою, если она дѣйствительно находится во власти непріятельской арміи.

Занятіе распространяется лишь на тѣ области, гдѣ эта власть установлена и въ состояніи проявлять свою дѣятельность.

Статья ХLIII. Съ фактическимъ переходомъ власти изъ рукъ законнаго Правительства къ занявшему территорію непріятелю, послѣдній обязанъ принять всѣ зависящія отъ него мѣры къ тому, чтобы, насколько возможно, возстановить и обезпечить общественный порядокъ и общественную жизнь, уважая существующіе въ странѣ законы, буде къ тому не встрѣтится неодолимаго препятствія.

Статья ХLIV. Воюющему воспрещается принуждать населеніе занятой области давать свѣдѣнія

объ арміи другого воюющаго или о его средствахъ обороны.

Статья XLV. Воспрещается принуждать население занятой области къ присягѣ на вѣрность непріятельской Державѣ.

Статьѣ XLVI. Честь и права семейныя, жизнь отдѣльныхъ лицъ и частная собственность, равно какъ и религіозныя убѣжденія и отправленіе обрядовъ вѣры должны быть уважаемы.

Частная собственность не подлежитъ конфискации.

Статья XLVII. Грабежъ безусловно воспрещается.

Статья XLVIII. Если непріятель взымаетъ въ занятой имъ области установленныя въ пользу Государства налоги, пошлины и денежныя сборы, то онъ обязанъ дѣлать это, по возможности сообразуясь съ существующими правилами обложенія и раскладки ихъ, при чемъ на него ложится проистекающая изъ сего обязанность нести расходы по управленію занятой областью, въ размѣрахъ, въ какихъ обязывалось къ сему законное Правительство.

Статья XLIX. Взиманіе непріателемъ въ занятой имъ области другихъ денежныхъ сборовъ, сверхъ упомянутыхъ въ предыдущей статьѣ, допускается только на нужды арміи или управленія этой областью.

Статья L. Никакое общее взысканіе, денежное

или иное, не можетъ быть налагаемо на все населеніе за тѣ дѣянія единичныхъ лицъ, въ коихъ не можетъ быть усмотрѣно солидарной отвѣтственности населенія.

Статья LI. Никакая контрибуція не должна быть взимаема иначе, какъ на основаніи письменнаго распоряженія и подъ отвѣтственностью начальствующаго генерала.

Сборъ оной долженъ, по возможности, производиться согласно правиламъ обложенія и раскладки существующихъ налоговъ.

По каждой контрибуціи плательщикамъ должна выдаваться расписка.

Статья LII. Реквизиціи натурой и повинности могутъ быть требуемы отъ общинъ и жителей лишь для нуждъ занявшей область арміи. Онѣ должны соответствовать средствамъ страны и быть такого рода, чтобы онѣ не налагали на населеніе обязанности принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ своего отечества.

Эти реквизиціи и повинности могутъ быть требуемы лишь съ разрѣшенія военнаго начальника занятой мѣстности.

Натуральныя повинности должны быть, по возможности, оплачиваемы наличными деньгами; въ противномъ случаѣ онѣ удостовѣряются расписками, и уплата должныхъ суммъ будетъ произведена возможно скорѣе.

Статья LIII. Армія, занимающая область, можетъ завладѣть только деньгами, фондами и долговыми требованіями, составляющими собственность Государства, складами оружія, перевозочными средствами, магазинами и запасами провіанта и вообще всей движимой собственности Государства, могущей служить для военныхъ дѣйствій.

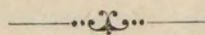
Всѣ средства, приспособленныя для передачи свѣдѣній на сушѣ, на морѣ и по воздуху, для перевозки лицъ и вещей, за исключеніемъ случаевъ, подлежащихъ дѣйствию морского права, склады оружія и вообще всякаго рода боевые припасы, даже если они принадлежатъ частнымъ лицамъ, также могутъ быть захвачены, но подлежатъ возврату, съ возмѣщеніемъ убытковъ, по заключеніи мира.

Статья LIV. Подводные кабели, соединяющіе занятую территорію съ территоріей нейтральной, захватываются или уничтожаются лишь въ случаяхъ крайней необходимости. Они должны быть равнымъ образомъ возвращены, а возмѣщеніе убытковъ производится по заключеніи мира.

Статья LV. Государство, занявшее область, должно признавать за собою лишь права управленія и пользовладѣнія по отношенію къ находящимся въ ней и принадлежащимъ непріятельскому Государству общественнымъ зданіямъ, недвижимостямъ, лѣсамъ и сельскохозяиственнымъ угодьямъ.

Оно обязано сохранять основную цѣнность этихъ видовъ собственности и управлять ими согласно правиламъ пользованія.

Статья LVI. Собственность общинъ, учрежденій церковныхъ, благотворительныхъ и образовательныхъ, художественныхъ и научныхъ, хотя бы принадлежащихъ Государству, приравнивается къ частной собственности. Всякій преднамѣренный захватъ, истребленіе или поврежденіе подобныхъ учрежденій, историческихъ памятниковъ, произведеній художественныхъ и научныхъ воспрещаются и должны подлежать преслѣдованію.

Лондонская декларация 26 февраля 1909 г.
о правѣ морской войны.

Его Величество Императоръ Германскій, Король Прусскій; Президентъ Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ; Его Величество Императоръ Австрійскій, Король Богемскій и проч. и Апостолическій Король Венгерскій; Его Величество Король Испанскій; Президентъ Французской Республики; Его Величество Король Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи и Британскихъ владѣній за морями, Императоръ Индіи; Его Величество Король Итальянскій; Его Величество Императоръ Японскій; Ея Величество Королева Нидерландовъ; Его Величество Императоръ Всероссійскій,

Принимая во вниманіе приглашеніе Великобританскаго Правительства, предложившаго различнымъ Державамъ собраться на конференцію въ видахъ совмѣстнаго опредѣленія, въ чемъ заключаются общепризнанныя начала международнаго права въ

смыслъ статьи 7-ой конвенціи 18 октября 1907 года объ учрежденіи Международной Призовой Палаты;

Признавая всѣ выгоды, кои представляетъ—въ случаѣ, если бы, къ несчастью, возникла морская война,—опредѣленіе вышесказанныхъ началъ, какъ для мирной торговли, такъ и для воюющихъ сторонъ и для ихъ отношеній съ Правительствами нейтральными;

Имѣя въ виду, что общія основанія международнаго права являются нерѣдко, въ примѣненіи ихъ на дѣлѣ, предметомъ неодинаковаго истолкованія;

Будучи одушевлены желаніемъ обезпечить впредь большее въ семъ отношеніи единство;

Питая надежду, что дѣло столь важнаго для всѣхъ значенія встрѣтитъ всеобщее одобреніе,

Назначили своими уполномоченными:

(перечень уполномоченныхъ)

Каковыя, по представленіи своихъ полномочій, признанныхъ составленными въ надлежащей и законной формѣ, условились принять настоящую Декларацию:

Предварительное постановленіе.

Подписавшіяся Державы согласны признать, что правила, содержащіяся въ нижеслѣдующихъ главахъ, въ существѣ своемъ соотвѣтствуютъ обще-признаннымъ началамъ международнаго права.

Глава первая.

О блокадѣ во время войны.

Статья 1. Блокада можетъ быть примѣняема лишь къ портамъ и берегамъ, принадлежащимъ непріятелю или имъ занятымъ.

Статья 2. Въ согласіи съ Парижской Декларацией 1856 года, блокада, чтобы быть обязательною, должна быть дѣйствительною, то есть поддерживаться силою, достаточною для фактическаго воспрепятствованія доступа къ непріятельскому побережью.

Статья 3. Вопросъ о дѣйствительности блокады есть вопросъ факта.

Статья 4. Блокада не почитается снятою, если блокирующія силы временно удалятся вслѣдствіе непогоды.

Статья 5. Блокада должна быть примѣняема безпристрастно къ различнымъ флагамъ.

Статья 6. Начальникъ блокирующей силы можетъ давать военнымъ судамъ разрѣшеніе войти въ блокированный портъ и затѣмъ изъ него выйти.

Статья 7. Въ случаѣ бѣдствія, удостовѣреннаго какою-нибудь властью блокирующихъ силъ, нейтральное судно можетъ войти въ блокируемую мѣстность и затѣмъ изъ нея выйти подъ условіемъ не оставлять и не брать тамъ никакого груза.

Статья 8. Блокада, чтобы быть обязательною, должна быть объявлена, согласно статьѣ 9-й, и оповѣщена, согласно статьямъ 11-й и 16-й.

Статья 9. Объявленіе о блокадѣ дѣлается или блокирующею Державою или же дѣйствующими отъ ея имени морскими властями.

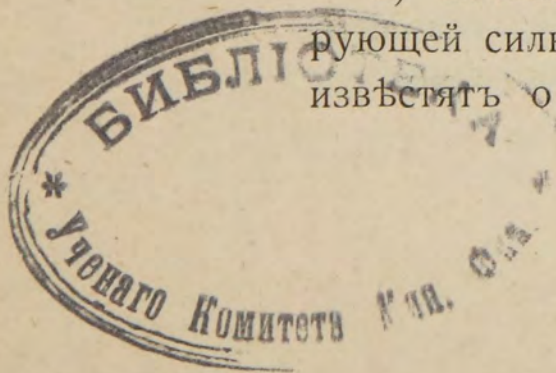
Оно опредѣляетъ:

- 1) день начала блокады;
- 2) географическія границы блокируемаго побережья;
- 3) срокъ, даваемый нейтральнымъ судамъ для выхода.

Статья 10. Если блокирующая Держава или дѣйствующія отъ ея имени морскія власти не сообразуются съ указаніями, которыя, во исполненіе постановленій пунктовъ 1-го и 2-го статьи 9-й, онѣ должны были внести въ объявленіе о блокадѣ, то сіе послѣднее признается недѣйствительнымъ, и для того, чтобы блокада возымѣла законныя послѣдствія, необходимо новое объявленіе.

Статья 11. Объявленіе о блокадѣ оповѣщается:

- 1) нейтральнымъ Держavamъ—Державою блокирующею, посредствомъ сообщенія, обращеннаго къ самимъ Правительствамъ или къ аккредитованнымъ при ней ихъ Представителямъ;
- 2) мѣстнымъ властямъ — начальникомъ блокирующей силы. Власти же эти, съ своей стороны, извѣщаютъ о блокадѣ, въ возможно непродолжи-

тельномъ времени, иностранныхъ консуловъ, исполняющихъ обязанности въ портѣ или на побережьѣ, подвергающихся блокадѣ.

Статья 12. Правила, касающіяся объявленія и оповѣщенія о блокадѣ, примѣняются также и въ тѣхъ случаяхъ, когда блокада будетъ расширена въ своихъ предѣлахъ или, послѣ снятія ея, возобновлена.

Статья 13. Добровольное снятіе блокады, равно какъ и всякое сокращеніе ея дѣйствія, должно быть оповѣщено порядкомъ, предписаннымъ статьею 11-ю.

Статья 14. Возможность захвата нейтральнаго судна за нарушеніе блокады обусловливается дѣйствительною или предполагаемою освѣдомленностью его о блокадѣ.

Статья 15. Освѣдомленность о блокадѣ предполагается, при отсутствіи доказательствъ противнаго, въ томъ случаѣ, если судно вышло изъ нейтральнаго порта уже послѣ оповѣщенія о блокадѣ, сдѣланнаго въ надлежащее время той Державѣ, отъ которой зависитъ данный портъ.

Статья 16. Если судно, приближающееся къ блокированному порту, не знало о существованіи блокады или нельзя предполагать, что оно о ней знало, то оповѣщеніе должно быть сдѣлано самому судну черезъ посредство офицера одного изъ судовъ блокирующей силы. Это оповѣщеніе должно быть занесено въ судовой журналъ съ означеніемъ

его дня и часа, равно какъ и географическаго положенія судна въ данный моментъ.

Нейтральное судно, выходящее изъ блокированнаго порта, должно быть свободно пропущено въ томъ случаѣ, если, по небрежности начальника блокирующей силы, мѣстныя власти не были оповѣщены объ объявленіи блокады или если въ сообщенномъ имъ объявленіи не было указано срока.

Статья 17. Захватъ нейтральныхъ судовъ за нарушеніе блокады можетъ быть осуществленъ лишь въ районѣ дѣйствія военныхъ судовъ, на которыя возложено обезпеченіе дѣйствительности блокады.

Статья 18. Блокирующія силы не должны преграждать доступъ къ нейтральнымъ портамъ и берегамъ.

Статья 19. Въ томъ случаѣ, если судно направляется въ данный моментъ въ портъ не блокированный, каково бы ни было послѣдующее назначеніе судна или его груза, нарушеніе блокады не признается доказаннымъ въ достаточной мѣрѣ для законности захвата судна.

Статья 20. Судно, въ нарушеніе блокады вышедшее изъ блокированнаго порта или сдѣлавшее попытку войти въ него, остается подлежащимъ захвату до тѣхъ поръ, пока продолжается преслѣдованіе его однимъ изъ судовъ блокирующей силы. Если преслѣдованіе прекращено или если блокада

снята, то захватъ его уже не можетъ быть осуществленъ.

Статья 21. Судно, признанное виновнымъ въ нарушеніи блокады, конфискуется. Точно также конфискуется и его грузъ, если только не доказано, что въ моментъ его погрузки, лицо, ее производившее, не знало и не могло знать о намѣреніи нарушить блокаду.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О военной контрабандѣ.

Статья 22. Почитаются, по праву, военною контрабандою нижеслѣдующіе предметы и матеріалы, именуемые контрабандою абсолютною:

1) Всякаго рода оружіе, включая и охотничье, а также и отдѣльныя принадлежащія къ нему части.

2) Снаряды, заряды и патроны всякаго рода и отдѣльныя принадлежащія къ нимъ части.

3) Порохъ и взрывчатые вещества, спеціально употребляемые на войнѣ.

4) Пушечные станки, ящики, передки, фургоны, полевые кузницы и отдѣльныя принадлежащія къ нимъ части.

5) Предметы, спеціально относящіеся къ военному обмундированію и снаряженію.

6) Спеціально-военная упряжь всякаго рода.

7) Верховыя, обозныя и вьючныя животныя, могущія служить для войны.

8) Предметы лагернаго снаряженія и отдѣльныя принадлежащія къ нимъ части.

9) Брони.

10) Военныя суда и шлюпки и отдѣльныя ихъ части, по своимъ особенностямъ не могущія быть использованными иначе, какъ на военномъ суднѣ.

11) Инструменты и приборы, исключительно предназначенные для изготовленія боевыхъ припасовъ, для выдѣлки и починки оружія и предметовъ военнаго снаряженія, сухопутнаго или морского.

Статья 23. Предметы и матеріалы, исключительно служащіе для войны, могутъ быть добавляемы къ списку абсолютной контрабанды посредствомъ особаго объявленія, подлежащаго оповѣщенію.

Оповѣщеніе посылается Правительствамъ другихъ Державъ или ихъ Представителямъ, аккредитованнымъ при Державѣ, которая дѣлаетъ объявленіе. Оповѣщеніе послѣ открытія военныхъ дѣйствій посылается только нейтральнымъ Державамъ.

Статья 24. Почитаются, по праву, военною контрабандою предметы и матеріалы, могущіе служить для военныхъ, равно какъ и для мирныхъ надобностей и именуемые условною контрабандою:

1) Съѣстные припасы.

2) Фуражъ и злаки, годные для питанія животныхъ.

3) Платье и ткани для одежды, а равно обувь, годная для военныхъ надобностей.

4) Золото и серебро въ монетахъ и слиткахъ, денежные бумажные знаки.

5) Повозки всякаго рода, могущія служить для войны, равно какъ и отдѣльныя ихъ части.

6) Корабли, суда и шлюпки всякаго рода, плавучіе доки, части доковъ, равно какъ и отдѣльныя части.

7) Желѣзнодорожный матеріалъ, постоянный или передвижной, матеріалы для телеграфовъ, радіотелеграфовъ и телефоновъ.

8) Аэростаты и приборы для воздухоплаванія, отдѣльныя характерныя части, а равно принадлежности, предметы и матеріалы, опредѣленно предназначенные для воздухоплаванія или летанія по воздуху.

9) Топливо, смазочныя вещества.

10) Порохъ и взрывчатые вещества, употребляемые не исключительно на войнѣ.

11) Колочая проволока, равно какъ инструменты, служащіе для ея закрѣпленія или срѣзыванія.

12) Конскія подковы и кузнечный матеріалъ.

13) Предметы упряжи и сѣдельныя принадлежности.

14) Бинокли, зрительныя трубы, хронометры и различные мореходные инструменты.

Статья 25. Предметы и материалы, могущіе служить для военныхъ, какъ и для мирныхъ, надобностей, не указанные въ статьяхъ 22 и 24, могутъ быть добавляемы къ списку условной контрабанды посредствомъ деклараціи, которая должна быть оповѣщена порядкомъ, предусмотрѣннымъ частью 2-й ст. 23.

Статья 26. Если какая-либо Держава не пожелаетъ, поскольку ея касается, считать военной контрабандой предметы и материалы, принадлежащіе къ одной изъ категорій, перечисленныхъ въ статьяхъ 22 и 24, то она должна заявить объ этомъ своемъ намѣреніи посредствомъ объявленія, подлежащаго оповѣщенію въ порядкѣ, предусмотрѣнномъ въ части 2 ст. 23.

Статья 27. Предметы и материалы, неспособныя служить для военныхъ надобностей, не могутъ быть объявляемы военною контрабандою.

Статья 28. Не могутъ быть объявляемы военною контрабандою нижеслѣдующіе предметы:

1) Хлопокъ-сырецъ, сырые шерсть, шелкъ, джутъ, ленъ, пенька, конопля и прочіе сырые материалы прядильной промышленности, равно какъ ихъ пряжа.

2) Орѣхи и маслянистыя сѣмена, копра.

3) Каучукъ, резина, гумми, лакъ; хмель.

- 4) Сырья кожи, рога, кость и слоновая кость.
- 5) Удобрение естественное и искусственное, включая нитраты и фосфаты, могущіе служить для земледѣлія.
- 6) Руды.
- 7) Земля, глина, известь, мѣль, камни, включая мраморъ; кирпичъ, шиферъ и черепица.
- 8) Фарфоръ и стекло.
- 9) Бумага и масса, приготовленная для ея выдѣлки.
- 10) Мыла, краски, включая матеріалы, предназначенные исключительно для ихъ производства, и политура.
- 11) Известковый хлоритъ, окись соды, ѣдкая сода, сѣрноокислая сода въ кускахъ, амміакъ, сѣрноокислый амміакъ и сѣрноокислая окись мѣди.
- 12) Машины, служащія для земледѣлія, руднаго дѣла, прядильной промышленности и печатанія.
- 13) Драгоцѣнные и полудрагоцѣнные камни, жемчугъ, перламутръ и кораллы.
- 14) Часы стѣнные, висячіе и карманные, за исключеніемъ хронометровъ.
- 15) Предметы моды и роскоши.
- 16) Перья всякаго рода, волосъ и щетина.
- 17) Предметы мебелировки или убранства, конторская мебель и принадлежности.

Статья 29. Не могутъ быть, равнымъ образомъ, почитаемы военною контрабандою:

1) Предметы и материалы, служащие исключительно для ухода за больными и ранеными. Однако они могут подвергнуться, в случае важной военной необходимости, реквизиции, за вознаграждение, если они имеют назначение, предусмотренное статьей 30.

2) Предметы и материалы, предназначенные для нужд самого судна, на котором они найдены, или для экипажа и пассажиров судна во время морского перехода.

Статья 30. Предметы абсолютной контрабанды подлежат захвату, если установлено, что они имеют назначением неприятельскую территорию или территорию, им занятую, или же его военные силы. При этом безразлично, совершается ли доставка сих предметов прямо или она сопряжена с перегрузкою либо с перевозкою сухим путем.

Статья 31. Назначение, предусмотренное в статье 30, признается окончательно доказанным в следующих случаях:

1) Когда груз по документам предназначен для выгрузки в порту неприятеля или для доставки его военным силам.

2) Когда судно должно заходить только в неприятельские порты или же когда оно должно зайти в неприятельский порт или встретиться с военными силами неприятеля прежде, чем придти в нейтральный порт, на который выписаны грузовые документы.

Статья 32. Судовыя бумаги являются полнымъ доказательствомъ направленія судна, везущаго абсолютную контрабанду, развѣ только судно встрѣчено явно уклонившимся съ пути, которымъ оно должно было слѣдовать, согласно его судовымъ бумагамъ, при чемъ оно не можетъ представить достаточныхъ оснований для такового уклоненія.

Статья 33. Предметы условной контрабанды подлежатъ захвату, если установлено, что они предназначены для военныхъ силъ или управленій непріятельскаго государства, развѣ только въ семъ послѣднемъ случаѣ обстоятельства доказываютъ, что въ дѣйствительности данные предметы не могутъ быть использованы въ происходящей войнѣ; эта послѣдняя оговорка не имѣетъ примѣненія къ предметамъ, означеннымъ въ пунктѣ 4 статьи 24-й.

Статья 34. Назначеніе, предусмотрѣнное въ статьѣ 33-й, предполагается доказаннымъ въ томъ случаѣ, если грузъ адресованъ на имя непріятельскихъ властей или же купца, проживающаго въ непріятельской странѣ, относительно коего извѣстно, что онъ поставляетъ непріятелю предметы и матеріалы этого рода. То же правило примѣняется и въ томъ случаѣ, если грузъ имѣетъ назначеніемъ непріятельское укрѣпленное мѣсто или какую-либо иную мѣстность, служащую базой для непріятельскихъ военныхъ силъ. Однако, такое предположеніе не примѣняется къ самому торговому судну,

которое направляется къ одной изъ подобныхъ мѣстностей и относительно котораго предполагается установить присущій ему самому характеръ контрабанды.

При отсутствіи вышеуказанныхъ предположеній, назначеніе предполагается невиннымъ.

Предположенія, установленныя въ настоящей статьѣ, допускаютъ доказательство противнаго.

Статья 35. Предметы условной контрабанды не подлежатъ захвату иначе, какъ на суднѣ, которое направляется въ мѣстность, принадлежащую непріятелю или имъ занятую, или же къ его военнымъ силамъ и которое при этомъ не должно выгрузить сказанные предметы въ какомъ-либо промежуточномъ нейтральномъ портѣ.

Судовыя бумаги являются полнымъ доказательствомъ направленія судна, равно какъ и мѣста выгрузки товаровъ, развѣ только судно встрѣчено уклонившимся съ пути, которымъ оно должно было слѣдовать согласно его судовымъ бумагамъ, при чемъ оно не можетъ представить достаточныхъ оправданій для такового уклоненія.

Статья 36. Въ изъятіе изъ статьи 35-й, въ томъ случаѣ, если непріятельская территорія не имѣетъ морскихъ границъ, предметы условной контрабанды подлежатъ захвату, когда установлено, что они имѣютъ назначеніе, предусмотрѣнное въ статьѣ 33-й.

Статья 37. Судно, перевозящее предметы, подлежащие захвату въ качествѣ абсолютной или условной контрабанды, можетъ быть захвачено въ открытомъ морѣ или въ водахъ воюющихъ сторонъ въ продолженіе всего путешествія, хотя бы даже оно имѣло намѣреніе зайти въ промежуточный портъ, прежде чѣмъ достигнуть непріятельскаго назначенія.

Статья 38. Захватъ не можетъ быть осуществленъ за перевозку контрабанды, совершенную ранѣе и въ данное время уже законченную.

Статья 39. Предметы контрабанды подлежатъ конфискаціи.

Статья 40. Конфискація судна, перевозящаго контрабанду, допускается, если сія послѣдняя составляетъ либо по стоимости, либо по вѣсу, либо по объему, либо по цѣнѣ фрахта, болѣе половины всего груза.

Статья 41. Если судно, перевозящее контрабанду, отпускается, то расходы, причиненные взятелю производствомъ въ національномъ призовомъ судѣ, равно какъ и сохраненіемъ судна и его груза во время слѣдствія, относятся на счетъ судна.

Статья 42. Товары, принадлежащія собственнику контрабанды и находящіяся на одномъ съ нею суднѣ, подлежатъ конфискаціи.

Статья 43. Если встрѣченное въ морѣ судно не знало о начавшихся военныхъ дѣйствіяхъ или

о послѣдовавшемъ объявленіи о контрабандѣ, примѣнимомъ къ его грузу, то предметы контрабанды не могутъ быть конфискованы иначе, какъ за вознагражденіе; судно же и остальная часть груза свободны отъ конфискаціи и отъ расходовъ, предусмотрѣнныхъ въ статьѣ 41. То-же правило примѣняется и въ томъ случаѣ, если капитанъ, узнавъ о началѣ военныхъ дѣйствій или объ объявленіи о контрабандѣ, не могъ еще выгрузить контрабандныхъ предметовъ.

Судно почитается освѣдомленнымъ о состояніи войны или объ объявленіи о контрабандѣ въ томъ случаѣ, когда оно вышло изъ нейтральнаго порта уже послѣ того, какъ оповѣщеніе объ открытіи военныхъ дѣйствій или объявленіе о контрабандѣ были сдѣланы въ надлежащее время той Державѣ, отъ которой зависитъ этотъ портъ. Состояніе войны почитается, кромѣ того, извѣстнымъ судну, когда оно вышло изъ какого-либо непріятельскаго порта уже послѣ открытія военныхъ дѣйствій.

Статья 44. Судну, остановленному за провозъ контрабанды и неподлежащему конфискаціи, въ виду размѣровъ контрабанднаго груза, можетъ быть дозволено, смотря по обстоятельствамъ, продолжать путь, если капитанъ готовъ передать контрабанду на судно воюющаго.

Передача контрабанды отмѣчается взятелемъ въ судовомъ журналѣ остановленнаго судна, и ка-

питанъ послѣдняго долженъ выдать взятелю надлежащимъ образомъ засвидѣтельствованныя копіи всѣхъ необходимыхъ бумагъ.

Взятель можетъ уничтожить переданную ему такимъ образомъ контрабанду.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Объ услугахъ воюющему.

Статья 45. Нейтральное судно конфискуется и вообще подвергается тѣмъ послѣдствіямъ, коимъ подлежало бы нейтральное судно, могущее быть конфискованнымъ за военную контрабанду:

1) Когда оно совершаетъ плаваніе спеціально для перевозки отдѣльныхъ пассажировъ, входящихъ въ составъ вооруженныхъ силъ непріятеля, или для передачи свѣдѣній въ интересахъ непріятеля.

2) Когда, завѣдомо для собственника, или для лица, зафрахтовавшаго судно въ цѣломъ, или для капитана, оно перевозитъ непріятельскій военный отрядъ или одно или нѣсколько лицъ, кои во время плаванія оказываютъ прямое содѣйствіе операціямъ непріятеля.

Въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ въ предыдущихъ пунктахъ, товары, принадлежащіе собственнику судна, равнымъ образомъ подлежатъ конфискаціи.

Постановленія настоящей статьи не примѣняются,

если судно, когда оно встрѣчено въ морѣ, не знало о военныхъ дѣйствіяхъ, или если капитанъ, послѣ того, какъ узналъ объ открытіи военныхъ дѣйствій, еще не могъ высадить перевозимыхъ лицъ. Судно почитается освѣдомленнымъ о состояніи войны, когда оно покинуло непріятельскій портъ послѣ открытія военныхъ дѣйствій или нейтральный портъ послѣ оповѣщенія, въ надлежащее время, объ открытіи военныхъ дѣйствій той Державѣ, отъ которой зависитъ этотъ портъ.

Статья 46. Нейтральное судно конфискуется и вообще подвергается тѣмъ послѣдствіямъ, коимъ оно подлежало бы, если бы было непріятельскимъ торговымъ судномъ:

1) Когда оно принимаетъ прямое участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ.

2) Когда оно находится подъ начальствомъ или подъ контролемъ особаго лица, помѣщенного на судно непріятельскимъ Правительствомъ.

3) Когда оно зафрахтовано цѣликомъ непріятельскимъ Правительствомъ.

4) Когда оно, въ данный моментъ и исключительно, привлечено или къ перевозкѣ непріятельскихъ войскъ, или къ передачѣ свѣдѣній въ интересахъ непріятели.

Въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ настоящей статьей, товары, принадлежащіе собственнику судна, равнымъ образомъ подлежатъ конфискаціи.

Статья 47. Всякое лицо, входящее въ составъ военныхъ силъ непріятеля и найденное на нейтральномъ торговомъ суднѣ, можетъ быть сдѣлано военноплѣннымъ, даже если нѣтъ основанія захватить судно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Объ уничтоженіи нейтральныхъ призовъ.

Статья 48. Захваченное нейтральное судно не можетъ быть уничтожено взятелемъ, но должно быть отведено въ подлежащій портъ для того, чтобы было произнесено правомѣрное рѣшеніе о законности захвата.

Статья 49. По исключенію, нейтральное судно, захваченное судномъ воюющаго и подлежащее конфискаціи, можетъ быть уничтожено, если исполненіе статьи 48 можетъ быть сопряжено съ опасностью для военнаго судна или для успѣха операцій, коими оно въ то время занято.

Статья 50. До уничтоженія, лицамъ, находящимся на суднѣ, должна быть обеспечена безопасность, и всѣ судовыя бумаги и другіе предметы, которые заинтересованныя лица признаютъ полезными для судебнаго разбирательства о законности захвата, должны быть перенесены на военное судно.

Статья 51. Взятель, который уничтожилъ нейтральное судно, долженъ ранѣе всякаго судебного разбирательства о законности захвата, фактически доказать, что онъ дѣйствовалъ лишь въ виду исключительной необходимости, какъ таковая предусмотрена въ статьѣ 49. Если онъ сего не сдѣлаетъ, то онъ обязанъ къ возмѣщенію убытковъ заинтересованнымъ лицамъ, независимо отъ выясненія вопроса, законенъ или нѣтъ былъ захватъ.

Статья 52. Если захватъ нейтральнаго судна, уничтоженіе котораго было оправдано, затѣмъ признанъ необоснованнымъ, взятель долженъ вознаграждать заинтересованныхъ лицъ взамѣнъ возвращенія уничтоженнаго, на которое они имѣли право.

Статья 53. Если нейтральные товары, не подлежавшіе конфискаціи, были уничтожены вмѣстѣ съ судномъ, то собственникъ этихъ товаровъ имѣетъ право на вознагражденіе.

Статья 54. Взятель имѣетъ право потребовать передачи подлежавшихъ конфискаціи товаровъ или уничтожить ихъ, если эти товары найдены на суднѣ, которое само не подлежитъ конфискаціи и когда обстоятельства таковы, что, согласно статьѣ 49, они оправдывали бы уничтоженіе судна, подлежавшаго конфискаціи. Взятель отмѣчаетъ переданные или уничтоженные предметы въ судовомъ журналѣ задержаннаго судна и распоряжается о передачѣ ему капитаномъ засвидѣтельствованной копіи всѣхъ

нужныхъ бумагъ. Послѣ передачи или уничтоженія и по выполненіи формальностей, капитану должно быть дозволено продолжать путь.

При семъ примѣняются постановленія статей 51 и 52 относительно отвѣтственности взятеля, уничтожившаго нейтральное судно.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О перемѣнѣ флага.

Статья 55. Переходъ непріятельскаго судна подъ нейтральный флагъ, совершенный до открытія военныхъ дѣйствій, дѣйствителенъ, развѣ только будетъ установлено, что этотъ переходъ былъ совершенъ съ цѣлью избѣжать послѣдствій, кои вызываются характеромъ непріятельскаго судна. Тѣмъ не менѣе, предполагается доказанной ничтожность перехода, если актъ послѣдняго не находится на суднѣ, и при этомъ оно утратило непріятельскую національность менѣе чѣмъ за шестьдесятъ дней до открытія военныхъ дѣйствій; доказательство противнаго допускается.

Законность перехода, совершеннаго ранѣе тридцати дней до открытія военныхъ дѣйствій, считается безусловно доказанной, если переходъ является абсолютнымъ, полнымъ, согласнымъ съ законодательствомъ подлежащихъ странъ, и если онъ имѣетъ то послѣдствіе, что распоряженіе судномъ

и прибыль отъ него не остаются въ тѣхъ же рукахъ, что и до перехода. Однако, если судно утратило непріятельскую національность менѣе шестидесяти дней до открытія военныхъ дѣйствій, и если актъ о переходѣ не находится на суднѣ, захватъ его не даетъ основаній къ возмѣщенію убытковъ.

Статья 56. Переходъ подъ нейтральный флагъ непріятельскаго судна, совершенный послѣ открытія военныхъ дѣйствій, ничтоженъ, развѣ только будетъ доказано, что этотъ переходъ не былъ совершенъ съ цѣлью избѣжать послѣдствій, кои вызываются характеромъ непріятельскаго судна.

Однако, предположеніе ничтожности безусловно:

1) Если переходъ былъ совершенъ въ то время, когда судно находилось въ плаваніи или въ блокированномъ портѣ.

2) Если есть право выкупа или требованія возврата.

3) Если условія, коимъ подчинено право поднятія флага, по законодательству носимаго флага, не были выполнены.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О принадлежности непріятелю.

Статья 57. Съ оговоркою относительно постановленій, касающихся перемѣны флага, нейтральный или непріятельскій характеръ судна опредѣляется флагомъ, который оно имѣетъ право поднять.

Вопросъ о тѣхъ случаяхъ, когда нейтральное судно совершаетъ плаваніе, запрещенное для иностранцевъ во время мира, остается открытымъ и никоимъ образомъ не предусматривается настоящимъ правиломъ.

Статья 58. Нейтральный или непріятельскій характеръ товаровъ, найденныхъ на непріятельскомъ суднѣ, опредѣляется нейтральнымъ или непріятельскимъ характеромъ ихъ собственника.

Статья 59. Если нейтральный характеръ товара, найденнаго на непріятельскомъ суднѣ, не установленъ, товаръ почитается непріятельскимъ.

Статья 60. Непріятельскій характеръ товара, погруженнаго на непріятельскомъ суднѣ, остается неизмѣннымъ до прибытія судна по назначенію, независимо отъ возможнаго перехода собственности на него, совершившагося во время пути, послѣ открытія военныхъ дѣйствій.

Однако, если, до захвата судна, прежній нейтральный собственникъ осуществляетъ, въ случаѣ несостоятельности непріятельскаго собственника, право требовать по закону возвращенія себѣ товара, то сему товару возвращается нейтральный характеръ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О конвоѣ.

Статья 61. Нейтральныя суда подъ конвоемъ своего флага освобождаются отъ осмотра. Коман-

диръ конвоя даетъ письменно, по просьбѣ командира военного судна воюющаго, всѣ тѣ свѣдѣнія относительно характера судовъ и относительно ихъ груза, которыя могли бы быть получены путемъ осмотра.

Статья 62. Если командиръ военного судна воюющаго имѣетъ основаніе подозрѣвать, что командиръ конвоя былъ введенъ въ заблужденіе, онъ сообщаетъ ему свои подозрѣнія. Командиру конвоя одному принадлежитъ въ этомъ случаѣ производство провѣрки. Онъ долженъ установить результаты этой провѣрки протоколомъ, копія коего передается офицеру военного судна. Если обстоятельства, установленныя такимъ образомъ, оправдываютъ, по мнѣнію командира конвоя, захватъ одного или нѣсколькихъ судовъ, то послѣднія должны быть лишены охраны конвоя.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

О сопротивленіи осмотру.

Статья 63. Сопротивленіе, оказанное силою законному осуществленію правъ остановки, осмотра и захвата, влечетъ за собою во всѣхъ случаяхъ конфискацію судна. Грузъ подвергается тѣмъ же послѣдствіямъ; коимъ подлежалъ бы грузъ непріятельскаго судна; товары, принадлежащіе капитану или собственнику судна, рассматриваются какъ товары непріятельскіе.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

О вознагражденіи за убытки.

Статья 64. Если захватъ судна или товаровъ не признанъ законнымъ призовою юрисдикціею или если, безъ передачи дѣла суду, захватъ былъ отмѣненъ, то заинтересованныя лица имѣютъ право на вознагражденіе за убытки, развѣ бы существовали достаточныя основанія для захвата судна или товаровъ.

Заключительныя постановленія.

Статья 65. Постановленія настоящей деклараціи составляютъ нераздѣльное цѣлое.

Статья 66. Подписавшіяся Державы обязуются обезпечить другъ другу, въ случаѣ войны, въ которой всѣ воюющіе были бы участниками настоящей Декларациі, взаимное выполненіе правилъ, содержащихся въ этой Декларациі. Онѣ дадутъ поэтому своимъ властямъ и своимъ вооруженнымъ силамъ необходимыя инструкціи и примутъ соотвѣтственныя мѣры для обезпеченія ихъ примѣненія своими судами, въ особенности же своими призовыми судами.

Статья 67. Настоящая Декларациія будетъ ратификована въ скорѣйшемъ по возможности времени.

Ратификаціи будутъ сданы на храненіе въ Лондонъ.

При первоначальной сдачѣ на храненіе ратификацій составляется протоколъ, подписываемый Представителями Державъ, которыя въ этомъ участвуютъ, и Главнымъ Государственнымъ Секретаремъ Его Британскаго Величества по департаменту иностранныхъ дѣлъ.

Позднѣйшія сдачи на храненіе ратификацій совершаются посредствомъ письменнаго оповѣщенія, направляемаго Великобританскому Правительству и сопровождаемаго актомъ ратификаціи.

Засвидѣтельствованныя копии съ протокола о первоначальной сдачѣ на храненіе ратификацій, съ оповѣщеній, помянутыхъ въ предшествующей части статьи, а равно съ актовъ ратификаціи, немедленно передаются, при посредствѣ Британскаго Правительства и дипломатическимъ путемъ, подписавшимъ декларацію Державамъ. Въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ предшествующей частью настоящей статьи, названное Правительство увѣдомляетъ въ то же время означенныя Державы о днѣ, въ который оно получило оповѣщеніе.

Статья 68. Настоящая Декларация вступитъ въ силу въ отношеніи Державъ, участвовавшихъ въ первоначальной сдачѣ на храненіе ратификацій, шестьдесятъ дней спустя послѣ дня протокола этой сдачи, а въ отношеніи Державъ, которыя ратифи-

кують позднѣе, шестьдесятъ дней послѣ того, какъ оповѣщеніе о ихъ ратификаціи будетъ получено Британскимъ Правительствомъ.

Статья 69. Въ случаѣ, если бы одна изъ подписавшихъ декларацію Державъ пожелала отказаться отъ настоящей Декларациі, таковая Держава можетъ это сдѣлать лишь къ концу двѣнадцатилѣтняго періода, начинающагося шестьдесятъ дней спустя послѣ первоначальной сдачи на храненіе ратификацій, и впослѣдствіи, къ концу послѣдовательныхъ шестилѣтнихъ періодовъ, изъ коихъ первый начнется по истеченіи двѣнадцатилѣтняго періода.

Объ отказѣ, по крайней мѣрѣ за годъ, письменно оповѣщается Британское Правительство, которое немедленно сообщаетъ объ этомъ всѣмъ другимъ Державамъ. Этотъ отказъ будетъ дѣйствителенъ лишь въ отношеніи Державы, сдѣлавшей о немъ оповѣщеніе.

Статья 70. Державы, представленныя на Лондонской морской конференціи, придавая особую цѣну всеобщему признанію правилъ, ими принятыхъ, выражаютъ надежду, что Державы, кои на ней не были представлены, присоединятся къ настоящей Декларациі. Онѣ просятъ Британское Правительство благоволить пригласить ихъ это сдѣлать.

Держава, которая пожелаетъ присоединиться, письменно извѣщаетъ о своемъ намѣреніи Британское Правительство, передавая ему актъ при-

соединенія, который будетъ храниться въ архивѣ сказаннаго Правительства.

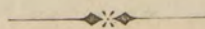
Это Правительство немедленно передастъ всѣмъ другимъ Державамъ засвидѣтельствованную копию оповѣщенія, а равно съ акта присоединенія, съ указаніемъ дня, когда оно получило оповѣщеніе. Присоединеніе вступаетъ въ силу шестьдесятъ дней спустя послѣ этого дня.

Положеніе присоединяющихся Державъ будетъ во всемъ, что касается настоящей Декларациі, одинаково съ положеніемъ Державъ, подписавшихъ оную.

Статья 71. Настоящая Декларациа, которая будетъ помѣчена 26 февраля 1909 года, можетъ быть подписана въ Лондонѣ до 30 іюня 1909 года уполномоченными Державъ, представленныхъ на морской конференціи.

Въ удостовѣреніе сего, уполномоченные подписали настоящую декларацию и приложили къ ней свои печати.

Учинено въ Лондонѣ, двадцать шестого февраля (новаго стиля) тысяча девятьсотъ девятаго года, въ одномъ экземплярѣ, который будетъ храниться въ архивѣ Британскаго Правительства, и засвидѣтельствованныя копии коего будутъ сообщены дипломатическимъ путемъ Державамъ, представленнымъ на морской конференціи.

.....
Цѣна 80 коп.
.....

